

АНАСТАСИЯ ЗАРЕЦКАЯ

16+

КОГДА-НИБУДЬ
НИКОГДА

МАГИЯ ВЫБИРАЕТ ПУСТОТУ.

Анастасия Зарецкая
Когда-нибудь никогда
Серия «Неприятно
познакомиться, ведьма», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64026826

SelfPub; 2021

Аннотация

После события, произошедшего беспощадной осенью, прошло полтора года. За это время Яна успела уехать в другой город – и смириться с тем, что прошлая жизнь осталась позади. Впереди Яну ждет лишь только учеба в университете и работа над собственной магией. Или?.. Новая история начинается тогда, когда на одной из улиц родного города Яны обнаруживается тело черной ведьмы, которую лишил души некто таинственный и неуловимый. Остаться в стороне? Или влезть в очередное дело, переплетая струны прошлого и настоящего? Как поступить, если правильного выбора не существует?.. Завершающая книга трилогии.

Содержание

Глава 1. Дом	4
Глава 2. Вечер в груди	18
Глава 3. Иначе	58
Глава 4. Там, где никто не найдет	80
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анастасия Зарецкая

Когда-нибудь никогда

Глава 1. Дом

Мимо пронеслись низкие деревянные домишки, березы с голыми ветками и провода. Силуэты казались размытыми не столько от подтаявшего снега, сползающего сейчас со стекол, сколько от скорости.

Поезд, в который я села около часа назад, спешил приблизить меня к дому.

В мыслях я так и называла это место – дом, сколько бы ни пыталась убедить себя, что дом у меня отобрали ещё прошлой осенью и что с тех самых пор я ни от кого – и ни от чего – не завишу.

Возвращаюсь домой – и все тут. Спустя пять месяцев расставания.

Дом.

Ну какой же это дом, если никто даже и представить не может, что я вдруг возьму и вернусь? Какой же это дом, если никто, ни один человек моего большого города не смотрит сейчас в окно, дожидаясь, когда же я сообщу, что прибыла?

Пять месяцев.

А ощущение такое, будто я и не уезжала вовсе. Будто усну-

ла, и сон оказался томительно долгим. Но вот пришло время рассвета – из-за горизонта появляются первые солнечные лучи, такие пронзительные, что даже толстые матовые стекла им не мешают. Они скользят по лицу, щекочут кожу и приближаются к глазам. Вот-вот затрепещут ресницы, и я наконец-то проснусь...

Кто-то прошел мимо, заставив меня встрепенуться.

На самом деле, стремительно приближался темный зимний вечер, а не рассвет или что-нибудь такое же поэтичное.

Вагон был заполнен лишь на две трети. Место надо мной пустовало, напротив спала женщина лет тридцати, обняв пятилетнего ребенка, над ней, на верхнем месте, устроился мужчина с тронутыми сединой черными волосами.

Было тихо.

Только перешептывался кто-то в соседнем отсеке и раздавалось посапывание.

А я не смогла бы уснуть, даже если бы захотела.

Впереди меня ждало ещё почти одиннадцать часов пути, и вернусь я в свой город слишком ранним утром, когда не ходят никакие автобусы (а я не настолько богата, чтобы ездить на такси). Не знаю, куда пойду дальше. Скорее всего, пару часов придется посидеть на вокзале. Я давно не была на вокзале моего города, хотя все ещё помню некоторые события, с ним связанные.

В их числе и наш последний разговор с Ярославом, белым магом. Однажды он помог мне справиться с нечистью, а по-

сле обещал спасти, но не успел сдержать свое слово.

Да, наш самый последний разговор.

Если не брать в счет письмо – точку, поставленную мной и оставшуюся без ответа. Хотя, в общем-то, если бы Яр захотел, он бы придумал, как передать мне свое чрезвычайно важное мнение. Но, раз я больше ничего от него не услышала, значит, сказать Яру было нечего.

Как сейчас помню.

Я села за это письмо, едва вернувшись с вокзала, и почувствовала невероятное облегчение, когда вложила его в магпочту, прежде чем сменить название своего ящика.

Облегчение – и неожиданное одиночество.

Но я быстро отогнала его прочь.

Тогда, в тот день октября, я окончательно осталась одна, но я все ещё была ученицей своей тети и отца, и я собиралась воспользоваться этим сполна.

Так происходит всегда: теряя одно, мы обретаем другое.

И время, которое я прежде тратила на общение и глупости, я могла теперь тратить на то, чтобы совершенствовать себя – и свою магию.

Не было теперь Яра.

Хотя мне несколько раз, особенно в начале, казалось, будто я вижу его силуэт в толпе. Но я всегда ошибалась. Да и не мог Яр находиться в моем городе, в самом деле. Как-никак, он переехал. К семье – отцу и сестре. В другой универ. К другим людям. И ведьмам, которых приходится спасать.

И Влада тоже не было.

Точнее, он до сих пор жил не так далеко от квартиры моего отца, но не пытался как-либо со мной связаться, а я тем более не искала с ним встреч. Мы, кажется, предельно ясно изъяснились друг перед другом: я, по мнению Влада, постоянно его обманывала, а он не водится с лжецами.

Зато, когда на землю опустился первый снег – а случилось это, справедливости ради, уже в конце октября (так этот снег и не растаял), я случайно услышала от закадычной Викиной подружки, Леры, радостную новость: тот самый высокий черноволосый мальчик, рядом с которым Вика была пару раз замечена, наконец-то официально предложил Вике стать его девушкой.

И никто (кроме, пожалуй, самой Вики) на самом деле не знал, что волосы у Влада не черные, а темно-русые, особенно когда их подсвечивает солнце.

Ну и, конечно, даже Вика не могла догадаться, что я сама порекомендовала ее Владу. Исполнила давнюю мечту своей ни то приятельницы, ни то соперницы.

Их пару я в толпе точно видела.

Однажды, под новый год. Возвращалась от тети, Натальи, – теперь они вместе с Виктором, Пашкиным отцом, жили в городской квартире. В ту встречу тетя объясняла мне принцип такой процедуры, как очищение души от проклятия. Вещь это нудная и запутанная, требующая невероятной аккуратности, большой усидчивости и неплохих энергетиче-

ских затрат... а у нас, черных, нашей энергией – ограниченным потоком магии – служат души. Насылать такие проклятья я научилась ещё года три назад, но поставить кляксу на белый лист гораздо легче, чем потом ее оттуда вывести. Для кляксы, в общем-то, иной раз и магии не нужно – хватит злого слова. Но в обратную сторону это не работает, как бы ни хотелось верить в добро и справедливость.

Время было позднее – после занятия я немного пообщалась с Пашей, ответственно посещающим подготовительную группу детского сада, и перекинулась парой слов с Виктором лишь потому, что он все ещё был Пашкиным отцом.

Впрочем, вполне возможно, что этот белый – на самом деле не такой плохой, каким я пытаюсь его видеть (потому что есть среди белых некоторые таланты), хотя и хранит в себе много тайн. Но тем самым осенним днем, когда по моей вине погибло два, в первую очередь, человека, я пообещала себе, что больше не буду ни к кому привязываться. А предыдущие связи постараюсь свести к минимуму.

Тем чудесным снежным вечером Влад и Вика – какое красивое сочетание имен! – шли по другую сторону дороги, по просторному, хорошо освещенному тротуару. У Влада была новая куртка, делающая его шире в плечах, а у Вики – чудесные кудри волос, теперь шоколадных. Они держались за руки и беседовали о чем-то со всей милостью, на которую, кажется, в принципе были способны. И не заметили меня.

Не люблю таких людей.

Я сама такая, а потому не люблю особенно.

Зачем нужно было придумывать столько слов, если вот к чему все свелось в итоге? Если уже через месяц Влад напроць забыл одну великую любовь и нашел другую?

Возможно, я и в самом деле ревновала. Но при этом прекрасно осознавала, что разрушила все сама. Впрочем, даже хорошо, что я успела подарить Владу только свой первый поцелуй, но не свою душу.

Вскоре я забыла о них думать – некрасиво подглядывать за чужим счастьем.

Или уговорила себя, что забыла, объясняя это тем, что у меня достаточно собственных забот.

Я перестала ходить на шабаши и вляпываться в неприятности, хотя ненамеренные неприятности – случайные всплески невезучести – до сих пор меня преследуют. Зато начала с завидным упорством каждое утро красить лицо, делая его более отстранённым, и учиться с таким рвением, которое прежде никогда не прикладывала к учебе. Ну и читать книги, чтобы окончательно не сойти с ума.

Поэтому, с одной стороны, мой последний школьный год пролетел незаметно, но с другой – он выжал из меня последние силы, последнюю радость, саму меня, и я до сих пор не знаю – кто я теперь, как я теперь, почему именно я.

И не уверена, что узнаю когда-либо. Все гораздо сложнее, чем может казаться.

Итак, к концу одиннадцатого класса я пришла к тому,

что в несколько раз повысила свои практические и теоретические знания в области черной магии – тетя оказалась достойным учителем, и я смогла многое от нее почерпнуть; да и отец, прекрасно, кажется, понимая, что творится у меня внутри, решил не давать мне никакой поблажки. И теперь я выполняла ежедневные задания также от него.

А ещё я наконец вспомнила, что у меня есть мечта, поэтому изучала не только магию, но и предметы, экзамены по которым мне нужно было сдать, чтобы поступить в неплохой универ – раньше я о нем и не думала, но ведь теперь у меня было время. Мотивировало ещё то, что он находится в другом городе – и, чтобы до него добраться, нужно больше двенадцати часов ехать на поезде...

Отгремел последний звонок, и, пока все плакали из-за расставания со школой, я улыбалась.

А после наступили экзамены, бессонные ночи, растрепанные нервы.

Я сдала все, как было нужно.

Я сделала все, что смогла.

Выпускной для меня ограничился только официальной частью – получив аттестат, я почти сразу скрылась, чтобы избежать общих фотографий. А потом, уже на следующий день, со спокойной совестью выдохнула – и помчалась проходить медкомиссию.

Примерно в это же время отправился в лучший свет Хомячидзе, мой мальчик, – я который раз села к хомяку, чтобы

поведать о своих волнениях, но нашла лишь спящее тело, все такое же крошечное, как в день моего шестнадцатилетия, когда я впервые его увидела. Я отпустила душу Хомячидзе на свободу, как того требовали древние ритуалы, стараясь держаться хладнокровно, но все же не смогла остановить слезы.

Теперь меня никто и ничего, ничего, ничего не держало.

Разве что только Пашка, расстроившийся из-за хомяка не меньше моего.

Но у Пашки была мама, любящая его больше жизни, и отец... остающийся Пашкиным отцом несмотря на отсутствие длиной почти в шесть лет. Отец, который нужен каждому подрастающему мальчику. Отец, который вместе с ним строит пластмассовые города и обсуждает вопросы, как с настоящим взрослым. Пример для подражания. Лучший друг.

У Пашки была семья.

Сейчас, годы спустя, я вспоминаю детство и начинаю понимать, что у меня настоящей семьи никогда не было. Даже в те времена, когда матушка ещё не успела нас бросить. Родители вечно занимались своими делами, и втроем мы собирались гораздо реже, чем хотелось бы.

С возрастом иллюзии рушатся.

Не было никакой семьи.

Но, спроси кто-нибудь, что же в таком случае было, ответить я не смогу.

Если у меня когда-нибудь встанет выбор между чувствами и делом всей моей жизни, надеюсь, я не буду колебаться.

А еще лучше сделать так, чтобы этот выбор никогда передо мной не встал.

Потому что я твердо знаю, чего хочу.

(Или пытаюсь убедить себя, что знаю).

Поступление прошло на удивление спокойно: я написала заявление и принялась следить за рейтингами, и все сложилось так, что я смогла попасть в универ еще первую волну; впрочем, я знала, что именно так оно и будет, и даже не стала отдавать документы куда-либо еще. Я дожила в квартире отца последнее в своей жизни лето, продолжая заниматься магией, – и все же это лето вышло самым скучным в моей жизни, самым одиноким и бесполезным даже несмотря на то, что я почерпнула много знаний.

Никакой нечисти и никаких рассветов.

Ни легендарных планов, ни грандиозных провалов.

Разве только единожды мелькнувший на горизонте Влад, идущий отчего-то один. А прошлым летом, помнится, он постоянно мозолил мне глаза.

Я даже в деревне этим летом не побывала – тетя продала дом еще зимой, а больше родни у меня в ней не было. И, пожалуй, даже хорошо, что теперь меня с этой деревушкой ничего не связывает. Окажись я в ней хотя бы ещё раз, не удержалась бы от искушения – сходить до бабушки Яра, например (все еще зная, что Яра, скорее всего, там нет), или спуститься к реке, по колено замаравшись в грязи. Или Дойти до кладбища, по которому, я уверена, до сих пор летают

голубоватые души.

Или встретить бабочек, мои личные символы свободы, и вспомнить, как одну из них мне подарили. А я осмелилась ее отпустить.

Вот только не было никакой свободы, хотя, справедливости ради, в мае я стала совершеннолетней, абсолютно взрослой, и сама теперь распоряжалась своей жизнью.

Душа казалась скованной в клетку несмотря на то, что отец трюк с блокировкой души не повторял.

Это лето тянулось для меня долго, мучительно долго. Оно состояло из закатов и ночей, книг и магии, а ещё почему-то пустоты. И я безмерно обрадовалась, когда объявили о заселении в общежитие, где я планировала пробыть если не несколько лет, то хотя бы год точно.

С отцом мы заранее договорились, что каждый месяц он будет присылать мне определенную сумму на проживание (как происходило уже несколько лет). Вот только в этот раз я пообещала ему, что верну эти деньги, когда начну зарабатывать сама, а отец не стал со мной спорить. Так я и оказалась у него в должниках. Впрочем, не могу сказать, что сумма была слишком большой, и я очень надеялась, что до конца жизни сумею с ним расплатиться. Хотя, если учесть, что в большинстве случаев отец присылал мне больше, чем мы договорились, надежда с каждым месяцем становилась все меньше...

Так я и оказалась в совсем другом городе, за тысячу ки-

лометров от своего.

Но не могу сказать, что заметила какие-то грандиозные отличия.

Здесь были все те же люди, занятые своими проблемами, а потому не обращающие внимания на остальных.

Те же высокие дома и окна, отражающие блики.

Те же несущиеся по трассам машины и воздух, забивающий легкие всякой дрянью.

Вот только деревьев было меньше, особенно по сравнению с тем районом, где я прожила восемнадцать лет своей жизни. Меня поселили ближе к одному из концов города, расположенному, впрочем, вполне удачно – до центра можно было добраться за час (или чуть больше) ходьбы, до вокзала доехать за тридцать минут... У меня оказалось красивое снаружи, но очень холодное внутри общежитие. И две соседки-однокурсницы, учащиеся к тому же в одной группе, а потому быстро сдружившиеся. Хотя они старались быть милыми (как и старалась быть милой я), наши отношения держались на уровне приятельских. Если не считать пары случаев, когда я сидела за учебой до самого утра, мешая им спать. Точнее, я-то так делала часто, но лишь только несколько раз они осмелились мне об этом сообщить. Доходило до споров.

Итак, когда-то Яна мечтала стать научным исследователем, и вот я начала осуществлять эту мечту. Правда, в последний момент, точнее, в декабре одиннадцатого класса, я передумала поступать на биологию, как хотела этого прежде,

и усердно занялась химией. Не то потому, что она давалась мне сложнее, а я временами люблю ставить себе испытания и преодолевать их. Не то потому, что чувствовала: заниматься биологией хотела прежняя Яна, а я уже давным-давно не она.

И, несмотря ни на что, я все еще вспоминала одного своего знакомого химика, который в итоге стал медиком, и думала о том, что мне-то стать химиком окажется куда интереснее.

К слову, маги в моем новом (все еще чужом по ощущениям) городе тоже были. Так же редко, как у нас – а за год я научилась видеть и скрытые души, только если их скрывали не чересчур мощные артефакты. И почему-то почти все – белые. То ли это мне так везло, то ли черные колдуны и ведьмы обитали в других районах, но за все время я повстречала от силы трех. Одной из таких ведьм, например, была студентка моего же универа, только другого факультета, одна из немногих, с кем я вообще здесь общаюсь. Но, пожалуй, я расскажу о ней позднее.

Все равно в голову лезут мысли только о моем (все еще) городе, и чем ближе он становится, тем больше я просыпаюсь.

А ведь первый семестр выдался для меня действительно сложным, и я, привыкшая жить одна, училась этому снова, только теперь в окружении двух соседок. Постигала науки, причем химии здесь оказалось гораздо меньше, чем я надеялась получить. Разрисовывала ноги, пока готовилась к эк-

заменам, потому что не знала, куда деть волнение.

Но я все смогла.

И сделала это даже лучше, чем прежде надеялась.

Без лишней скромности, я преодолела многое. А теперь боюсь позвонить отцу, чтобы попросить его забрать меня с вокзала. Все равно он не спит в это время, я же знаю – отец, по-моему, никогда не спит. Но так не хочется обретать ещё и этот долг перед ним...

Впрочем, впереди ещё много часов пути (хотя не уверена, что за это время я вдруг стану смелее).

Деревья за окном белые, как в сказке, где все живое в одном городе навек заледенело. Осталось прекрасным снаружи... а что внутри, так никто и не узнает, и все, кто попадет в этот город, будут думать, что здесь жили самые чудесные люди на свете (не зря же у них такие красивые лица) и росли самые восхитительные цветы (которые лёд не пощадил).

Слегка покачивало.

Я прислонилась спиной к стенке, и по коже пробежал холодок несмотря на то, что на мне был большой теплый свитер.

Домой.

Только бы никто не узнал, что я чувствую на самом деле.

Ведь даже тот, заледеневший, город однажды спасли – не знаю, чье-то сердце или всего лишь солнечные лучи. Он растаял и стал таким же, как все. И люди в нем совершали зло не меньше, чем остальные люди мира – а то и больше. Вот

только это никого не удивляло.

А я храню внутри много червотчины, и, если спадет ледяная корка, вся она окажется на поверхности.

Не знаю, зачем еду.

Но в общежитии всего лишь за какие-то выходные стало слишком пусто и так тихо, что эта тишина звенит в ушах. А я оказалась свободна от учебы, пусть лишь и на неделю, и мне совсем не хотелось просидеть эту неделю одной в комнате на троих человек, как было во время и после празднования Нового года (этот Новый год в принципе оказался самым грустным в моей жизни).

И я купила билет на поезд.

Спонтанно, не раздумывая о последствиях.

И теперь поезд спешит приблизить меня к месту, которое я до сих пор называю своим домом, пусть и только мысленно.

Глава 2. Вечер в груди

Не люблю сюрпризы.

Люблю приключения, когда ты сидишь на месте, а потом резко срываешься в путь, и минуты проносятся перед глазами, как резвые скакуны, а ты пытаешься их догнать, и некогда задумываться, потому что приходится действовать.... Или, пожалуй, я любила приключения раньше. Как можно любить то, чего нет в твоей жизни? Это уже не любовь, а насилие над собственной душой (а мы, черные ведьмы, многое понимаем в душах).

Так вот, несмотря на мою резкую нелюбовь ко всякого рода неожиданностям (чаще всего неприятным), я сама устроила отцу нечто подобное.

Не знаю, как ещё назвать то, что уже в семь утра я звонила в дверь квартиры, где прожила восемнадцать лет, чтобы потом исчезнуть на пять месяцев. Можно было заявиться позднее – ради тактичности. Но я больше двух часов просидела на темном вокзале, где со мной отчаянно желала познакомиться группа молодых парней, чересчур улыбчивых (спасибо той искорке магии, что смогла погасить эти улыбки). И ещё полтора часа добиралась до квартиры, хотя в прежние дни спокойно управлялась за сорок минут. Сначала ждала запаздывающий автобус, после мы еле-еле ползли по дороге – похоже, водитель не выспался и хотел отыгаться сейчас.

К тому же, на улице стоял жуткий холод, и тоненькие стенки автобуса ничуть от него не защищали, поэтому к концу поездки я совсем не чувствовала ног и еле ощущала руки.

И вот, пожалуйста, заявилась.

А отец невероятным образом оказался дома, хотя я до последнего надеялась, что он узнает о моем прибытии только несколько дней спустя, когда вдруг решит заявиться в квартиру и обнаружит там меня. Я даже попыталась открыть дверь ключом, который зачем-то увезла с собой, но в квартире моего отца хитро устроенная дверь, и изнутри можно закрыться так, что снаружи никаким ключом ты ее не откроешь.

В подъезде, вопреки всему, стояла невообразимая духота, начинали покалывать отходящие от мороза пальцы ног, и я все стояла и звонила, сначала с определенными интервалами, потом непрерывно. А открывать мне никто не собирался. Так продолжалось не менее десяти минут... И, в конце концов, замок прокрутился и распахнулась дверь.

На пару мгновений я даже засомневалась, что попала по адресу. Но нет – это были знакомые мне с детства подъезд, дверь и даже линолеум на полу. Обои, которые я своими руками (и ростом Влада) клеила пару лет назад. И шкаф с вешалкой. Хотя было сложно опознать его за кучей женской одежды.

Причина моих сомнений заключалась в том, что передо мной стоял определенно точно не отец.

Даже несмотря на то, что я не видела его пять месяцев.

Передо мной стояла ведьма, и я могла бы сказать это, даже не видя ее душу. Под совершенно дурацкой пижамой с медведями различалась ее статность и хитрость. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, хотя я редко когда навскидку угадываю возраст. У нее были волнистые карамельные волосы, спускающиеся ниже пояса, овальное лицо с узким подбородком и миндалевидные карие глаза, которыми она несколько секунд рассматривала меня (подозреваю, что в ответ). А потом эта ведьма улыбнулась уголками губ и произнесла:

– Доброе утро.

Я кивнула, не собираясь приветствовать ее в ответ.

Справедливости ради, я все еще не понимала, что она здесь забыла.

– Проходи, – она любезно шагнула назад, как будто это ведьма с лисьими глазами жила здесь восемнадцать лет, а не я. Нет, побыть гостью в собственном доме – конечно, невероятно интересное предложение. Понять бы еще конкретнее, что происходит...

– Прошу меня простить, – произнесла я, стараясь говорить как можно более непринужденно, и все-таки перешагнула за порог моего (не моего) дома, – но, быть может, вы для начала представитесь, чтобы я знала, к кому обращаться?

Ведьма округлила глаза, как будто ее застали за пакостями и вот-вот схватят за хвост, и заметила:

– Это моя вина. Я-то тебя узнала сразу – ладно, почти сразу, Яна. Хотя совсем не ожидала тебя здесь увидеть...

– Взаимно, – не удержалась я.

Она улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

– Хотя предлагаю обвинить во всем Алексея. Это он должен был тебе меня представить, но, к сожалению, он лег спать только час назад – недавно мы с ним наведались в один домишко, где творилось что-то нечистое, и все никак не могли доделать отчет. Дедлайны мотивируют, как ничто другое, наверняка сама знаешь.

Я слушала ее треп, стягивая с головы шапку и пытаюсь хоть куда-нибудь бы ее уместить, но особо не вникала в смысл. Ждала, когда она скажет что-то дельное. Или хотя бы представится, о чем я и попросила ее минуту назад.

А потом меня вдруг осенило.

Голос у нее был примурлыкивающий, с мягкой «р» и странным растягиваем гласных, и я вспомнила, что когда-то его уже слышала.

Точнее, слышала-то я одно-единственное слово, произнесенное полтора года назад. Имя.

Тогда меня так разозлил этот голос, что я запомнила его наверняка – и вот, пожалуйста, услышала вновь.

Значит, она существует уже с тех времен? Та женщина, что посмела претендовать на внимание моего отца...

Точнее даже так: значит, она существует.

– А ещё лучше – он должен был рассказать обо мне зара-

нее, много раньше, как минимум три месяца назад. Но вечные дела – сама понимаешь... – И без каких-либо переходов протянула мне руку с нежными розовыми ноготками. – Милана. Приятно познакомиться, Яна. Можно на «ты». Надеюсь, мы с тобой найдем общий язык.

Руку я не пожалала, принявшись расстёгивать куртку, и Милана пробормотала:

– Хорошо, я допускала мысль, что первое время может быть сложно. Как доехала? Почему не предупредила? Мы бы помогли тебе добраться, даже несмотря на отчет – отчет может и подождать, я так и говорила Алексею, но ты и сама знаешь, как тяжело с ним договориться.

– Сносно, – ответила я, лишь чтобы от нее отвязаться. – И что же, Милана, вы живете здесь? – Она кивнула. А я даже замерла на мгновение, как мелкая дурочка. – Около трех месяцев, по вашим же словам? – Милана повторила кивок. – А где именно?

– Не переживай, – она рассмеялась. – Твою комнату я не трогала. Для меня освободили ритуальную. В ней чудесная атмосфера, впрочем, тебе ли не знать...

– Очень интересно.

Куртка почти сорвалась с крючка, но я успела ее подхватить и плотнее прижать к остальной одежде. Женской одежде темных цветов, пахнувшей духами с медово-цветочными нотками. Обиднее всего, что запах-то мне понравился, и это заставляло злиться еще больше.

Милана.

Ведьма, с которой отец был знаком года полтора, как минимум.

Ведьма, которая живет в моей квартире уже на протяжении трех месяцев.

И все это – абсолютно все! – в тайне от меня. Как будто я не заслуживаю права знать, что творится в доме, где я прожила восемнадцать лет! Быть может, мне следовало еще поблагодарить Милану за то, что она меня впустила? Судя по тому, что она ведет себя, как хозяйка, так и есть.

– Хочешь отдохнуть с дороги, или пойдем завтракать? – поинтересовалась она со всем дружелюбием.

Я быстро стянула ботинки, закинула рюкзак, с которым приехала, на плечо, и бросила:

– Не стоит беспокоиться.

За полсекунды преодолела коридор и укрылась в своей (совсем уже не моей!) комнате, напоследок громко хлопнув дверью. Совершенно случайно. Честное слово черной ведьмы.

Ну и пусть отец проснется.

Он должен был проснуться давным-давно, еще от первого дверного звонка. Он должен был проснуться ещё тогда, когда я сидела на вокзале, ожидая, пока начнут ездить хоть какие-нибудь автобусы. Хотя, судя по словам той же Миланы, он в это время еще не спал. Писал отчеты. И правда. А Милана, наверное, помогала изо всех сил.

А вообще-то лучше бы отец проснулся в тот момент, когда ему вдруг захотелось поселить в своей квартире совершенно чужую женщину.

Прежде я ни с чем таким не сталкивалась. А потому не могла сказать, нормально это или нет. Да у нас даже гостей никогда не было, не считая Пашки. Причем Пашка гостил у нас полтора года назад и просто потому что случилась из ряда вон выходящая ситуация – вспомнила о магии тетя Наташа, его мама. За братцем пришлось приглядывать мне. И хомяку. Моему Хомячидзе.

А так...

Чтобы кто-то жил у нас на постоянной основе как минимум три месяца... Кто-то. Женщина, ведьма. С женщинами, а тем более с ведьмами, просто так не живут.

Конечно.

Просто отец себе кого-то нашел, вот и все.

А я, привыкшая видеть его одного, точнее, не привыкшая видеть вовсе, не могу смириться с этим фактом.

С другой стороны, а с чего бы мне с ним мириться. Мы с отцом давным-давно чужие друг другу люди. Спасибо, что пустили, – это теперь уже не шутка. Как вдруг выяснилось, биологическое родство ничего не значит. Ведь этим оправдывал себя отец, когда забрал у меня Янтарную, сестру моей матушки?..

Ох, Янтарная.

Побежденная, но несломленная.

И Кирилл, ее помощник, самый черный маг из всех, кого мне посчастливилось знать.

Этот город погружал меня в пучину воспоминаний.

Все пять месяцев моего обучения вдали от родного дома остались позади, и сейчас я уже не могла сказать, были ли они реальными, или моя больная голова их выдумала. Их, и Милану, и этот жуткий холод...

Комната была точь-в-точь такой же, какой я ее оставила. Разве что погасла та искра жизни, что царила в комнате, пока я здесь жила. А потому все вокруг казалось застывшим.

Если учесть, что в общежитие я брала только самое необходимое, моих вещей в комнате осталось предостаточно. Я надела первый попавшийся свитер поверх своего собственного, чтобы ускорить процесс согревания, и даже шерстяные носки где-то откопала. Села на кровать, прижавшись спиной к изголовью.

Даже вентилятор все еще стоял на моем столе на том же самом месте. Неряшливо свисал выдернутый из розетки шнур.

Интересно.

Когда дрожь прошла, я поднялась с кровати и выглянула в окно. Седьмой этаж, внизу все кажется мелким и ничтожным. Сейчас-то я живу на третьем, и с окна можно было даже людские лица разглядеть, если постараться. А тут... Впрочем, не так уж много на улицах людей. Даже детей во дворе невидно. Конечно. Холодно. Быть может, даже отменили за-

нятия в школах. Хотя, сколько себя помню, я ходила в школу в любой мороз...

Не могу сказать, что мое уединение продлилось очень долго.

Потому что дверь распахнулась, еще когда я не успела отойти от окна. А за ней стоял отец. Наконец-то он, со второй попытки.

Помятый, с кругами под глазами и растрепанными волосами, в которых увеличилось число серебряных прядей. Я уже очень давно не видела его таким... неопрятным. И я даже не про те пять месяцев, когда я не видела отца в целом. Передо мной отец всегда был собранным и хладнокровным. Разве что когда ушла матушка...

– Доброе утро, дочь, – произнес он.

– Доброе утро.

«Отец» я произнести не решилась.

С прошлой осени, когда не стало Янтарной, я перестала называть отца «отцом». Вслух, по крайней мере.

– Ты ничего не хочешь у меня спросить? – поинтересовался отец.

– Может быть, сначала ты?

Нас разделяла почти вся длина моей комнаты, а это около четырех метров (не настолько впечатляющее расстояние)

Но я все равно слышала каждую интонацию, каждый подтон сказанных отцом слов. И мне они не нравились. Хотя бы потому, что отец говорил с невероятной усталостью. Ника-

кого удивления, никакой злости, – только безмерное равнодушие, океан, по которому не пробежит ни одна волна. Ещё немного, и можно утонуть. К счастью, плавать я давно научилась.

– Что ж, – спорить я не стала. – Как поживает домовой?

– От меня твой домовой прячется. Но Милана нашла с ним общий язык.

Вот же!.. Предатель. Не то чтобы мы с домовым были хорошими приятелями, но всегда взаимно уважали друг друга. А если он принял нового человека в этот дом, значит ли, что домовой перестал меня уважать? Или это значит, что и я должна уважать Милану? Плохих человек домовой прогоняет...

– Хорошо, – заметила я все же. – У меня вопросы закончились.

Отец кивнул.

Я ждала, пока он спросит, что я здесь забыла. Я даже почти слышала этот вопрос, он звенел у меня в ушах, вот только отец все молчал... А потом с его губ сорвалось:

– Как учеба?

– Сессию закрыла.

– Удовлетворительно?

– Хорошо.

Отец не говорил ничего по поводу моего выбора профессии, не осуждал, но и не поддерживал. Он позволил мне полностью распоряжаться своей судьбой так, как хочу я, слов-

но моя жизнь совсем его не касалась. Так что я не знала, зачем он сейчас это спрашивает. Для приличия?.. Потому что и спросить-то больше нечего?..

За эти пять месяцев мы общались всего раза три, и все эти три раза наше общение представляло собой пару сообщений – причем разговор всегда прекращал отец, не отвечая на мое последнее сообщение. Впрочем, начинал его тоже он.

Почти полгода я не слышала голос отца.

Но разве я могла его забыть?..

В этом, пожалуй, заключалась очередная моя проблема – я хорошо помнила слишком многое, чтобы так просто оставить это позади.

– Надолго?

– До конца недели. – Сегодня был понедельник. – Надеюсь, я не слишком вам помешаю. Если ты против, чтобы я жила здесь, можешь сказать сейчас – я уйду.

Я не выдержала (хотя уходить мне было абсолютно некуда).

Мы наконец-то приблизились к главному, сути разговора, и теперь, мне казалось, я не успокоюсь, пока не выясню, как же так получилось, что здесь живет Милана.

– Живи, – отозвался отец. – Это и твоя квартира тоже. – А потом без всяких переходов добавил: – Милана приглашает тебя на завтрак.

Я видела, как отец тянется к ручке, чтобы вновь скрыться. И, оставив все хитрости позади, спросила прямо:

– Почему Милана живет здесь?

– Это было наше обоюдное решение.

– Почему ты не сообщил об этом раньше?

– Это каким-то образом поменяло бы твою жизнь?

– Я знаю, что вы давно знакомы. Так почему только сейчас? Потому что нет меня?

– Потому что нет тебя, – согласился отец. И прежде, чем тихо-тихо закрыть за собой дверь, заметил: – В следующий раз, когда будешь утверждать, что вопросов у тебя не осталось, хорошо подумай.

Неделя обещала быть сложной.

Но, хотя ничто мне не мешало прямо сейчас уехать обратно на вокзал, просидеть там от нескольких часов до суток и вернуться в общежитие, никуда возвращаться я не собиралась.

Отец верно сказал – моя квартира тоже.

На целую одну треть...

Сначала я не хотела принимать радушное приглашение Миланы. Я не была голодна (хотя не ела почти сутки), зато была расстроена. И мне было боязно увидеть рядом Милану и отца. А вдруг между ними действительно есть эмоциональная привязка? А я обязательно ее разгляжу, я стала гораздо лучше разбираться в человеческих чувствах. Мне ведь в таком случае будет еще больше – видеть, что отец может что-то чувствовать после всего того равнодушия, что я испытала на себе.

Но, тем не менее, я пошла.

Весной мне исполнится девятнадцать. Период подростковых бунтов уже прошел. И теперь я изо всех сил стараюсь не отпускать взгляд, а смотреть в ответ.

Отец сидел лицом к окну, – он сидел так всегда, когда нам везло есть вместе. Милана – напротив отца, на том месте, которое обычно занимала я.

Я села сбоку.

И даже порадовалась, что напротив нет того, кто разглядывал бы меня в упор.

Как оказалось, Милана умела вполне неплохо (и при этом очень быстро) готовить. Пока я пыталась согреться и вытащить что-то из отца, Милана успела приготовить панкейки. Они стояли в центре стола, покрытые медом, а я все пыталась вспомнить, когда в последний раз видела на этом столе домашнюю еду сложнее супчиков, состоящих из всех продуктов, что только есть в холодильнике, и каш со всеми видами тушенки и бобовых.

Вот только есть никто не ел.

И говорить никто не говорил.

Передо мной остывала чашка кофе с молоком, а я уже тысячу лет не пила кофе с молоком. И даже когда жила здесь. Молоко портилось слишком быстро для того, чтобы я успела его выпивать, а перспектива выкидывать наполовину полные коробки меня не радовала.

Я все же взяла чашку в руки и сделала глоток.

Оказалось к тому же, что в кофе добавлен сироп – кажется, кленовый. Он предавал кофе вкус теплой осени, и я отпила еще немного.

Тогда встрепенулась Милана.

Она широко улыбнулась – ровный ряд белых зубов, будто и вправду лисичий – и произнесла:

– Думаю, мы неправильно начали наше знакомство. Давай попробуем заново. Итак, мое имя – Ильченко Милана, мне тридцать шесть лет. Я родилась в Москве, там же когда-то успела поработать в следственном комитете черномAGICеского ковена. Впрочем, начальство там специфическое, мы не сошлись во мнениях, поэтому в двадцать семь лет, когда меня пригласили во Францию, я согласилась поработать в этой чудесной стране, в одном небольшом городке, навряд ли ты его знаешь. Застряла почти на пять лет. Но потом я понадобилась здесь, на одном веселом задании по поимке преступника, – так мы и познакомились с твоим отцом, он тоже входил в нашу группу.

По всему выходило, что с отцом эта Милана знакома около двух лет.

Матушка рассказывала, что они с отцом знакомы с самого детства, благодаря родителям. Если даже такая крепкая связь в конце концов разрушилась, что уж говорить о связи с Миланой, сравнительно краткосрочной?

Ильченко Милана. Не помню, чтобы прежде я слышала это имя. А даже если и слышала, успела забыть.

– Теперь твоя очередь рассказывать о себе, – заметила Милана. Специальной лопаткой она отделила пару панкейков на отдельное блюдо, отрезала небольшой кусок и аккуратно положила его в рот.

Я качнула головой и хмыкнула.

– Для этого мне нужно знать, что обо мне уже известно.

– Совсем немного, – призналась Милана. – Алексей сказал, что ты сама расскажешь то, что считаешь нужным. Поэтому мне известны только некоторые общие факты.

– Про Янтарную, например?

На мгновение в ее глазах застыло напряжение, но потом Милана все же призналась:

– Про нее в том числе.

А отец продолжал молчать, как будто его здесь и вовсе не было. Но я чувствовала, что определенный интерес он проявляет. Ждет, что же я скажу. А я люблю говорить то, чего отец вовсе не ожидает.

– Тогда я даже не знаю, чем вас удивить, – заметила я. – Учусь на химика. Все.

– Почему именно на химика?

– Мечта. Преобразовавшаяся, – я отпила еще кофе.

– У тебя много друзей?

– Даже сосчитать трудно. – Милана явно мне не поверила, и тогда я продолжила: – Вы правда считаете, что у ведьмы, решивший посвятить свою жизнь колдовству, могут быть друзья? Или любовь, например?

Я покосилась на отца.

Чего я точно не ожидала, так это того, что любовь может быть у него.

– Да, я правда так считаю, – согласилась Милана. – Жизнь не может состоять из чего-то одного. Даже если это призвание всей твоей жизни. Жизнь – калейдоскоп из множества разноцветных стекол. И если стекло колдовства в нем самое большое, это не значит, что оно затмевает все.

– Но так и есть, – заметила я.

– Что думаешь, Алексей? – Милана решила вовлечь его в разговор силой. – Можешь ли одно затмить все?

Отец, в отличие от меня, даже кофе не пил.

Он пожал плечами:

– Мне нравится рвение Яны в постижении колдовства. Раньше за ней такого не наблюдалось.

– До Янтарной? – я вскинула голову.

– Так. Мы обойдемся без ссор, – встряла Милана. Я, кажется, впервые видела, как кто-то смеет идти против моего отца. Кроме меня, конечно. – Хорошо. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. У тебя ведь каникулы, Яна. Как планируешь их провести?

– Совсем скоро я отсюда уйду.

– На прогулку?

Я нехотя кивнула.

– Чудесная идея! Прежде чем перебраться сюда, я заскочила в Москву, к матери. У нас с ней натянутые отноше-

ния... были. До сих пор удивлена, что успела с ней повидаться. Несмотря ни на что, это же мать... И знаешь, несмотря на горящие сроки, я целые сутки просто гуляла по улице, а там было столько когда-то хорошо знакомых мест, успевших позабыться... Думаю, ты меня понимаешь.

– Про мою мать вам наверняка тоже должно быть известно.

Милана закусила губу, спохватившись. Но тут же поспешила заметить:

– Насколько мне известно, у твоей матери были определенные причины.

– О да, – я поставила чашку на стол, и она громко ударилась о стеклянную поверхность. Мне кажется, или сегодня я создаю слишком много шума? – Любовь к мужчине. Стеклышко в калейдоскопе, которое затмило собой все остальные. Чудесная причина. – Я поднялась из-за стола, поставила чашку в раковину. – Если что-то останется, можете оставить. Хотя, знаете, не нужно. Сейчас я не голодна.

И уже почти развернулась, чтобы уйти, но в спину мне полетело отцовское:

– В этой квартире нет прислуги. Убери за собой посуду.

Я развернулась.

Милана хотела что-то возразить, но отец остановил ее взмахом руки.

Я отвернулась.

К черту бы такую любовь.

Чашку я отмывала тщательно, чтобы на ней, не дай Всевышняя, не осталось какого-либо пятна. И все это время пыталась понять, за что же заслужила такое отношение отца.

Но так и не дошла до истины.

Я, кажется, никогда этого не узнаю. Когда-то мне казалось, что в чем-то отца я даже понимаю, но с каждым годом пропасть, отдаляющая меня от отца, становится все шире, опаснее, смертоноснее.

Ни черта я не понимаю.

За окном все ещё простиралось утро, и я решила немного полежать – слишком рано появляться на улице не хотелось. Тем более, в такой ужасный мороз. Не убирая покрывала, я легла в угол кровати и прижала к себе колени. Обняв саму себя, на мгновение прикрыла глаза.

В поездах жутко неудобно спать. Тем более в морозы. От окна во всю мощь дул холодный ветер, пассажиры постоянно задевали меня за ноги, поэтому, собственно, порядочно поспать этой ночью мне не удалось.

Беспокойная ночь дала о себе знать.

И я отключилась.

Мгновенно погрузилась в темноту.

Каждый день этих пяти месяцев я слишком уставала, чтобы видеть эти сны, вот и сейчас знала – мне ничего не присниться. Может быть, и никогда больше.

***

Мои чудесные часы, вместе с которыми я когда-то встре-

чала рассвет, показывали приближение трех дня. Едва осознав этот факт, я подскочила. Чудесно полежала. Сказать нечего. Голова раскалывается.... Не хватает только заболеть.

Встав, я потянулась. Подошла к двери и прислушалась. Тихо. Может быть, Милана и отец сидят в кабинете? Дописывают отчеты?

Постояв ещё немного, я все же открыла дверь. Все ещё тихо. Дошла до кухни – там осталась тарелка с тремя панкейками. Прогулялась до ритуальной комнаты, которая перестала уже быть ритуальной, и до кабинета отца, который (надеюсь) до сих пор оставался кабинетом отца.

Никого не было.

Конечно.

Понедельник.

Если я посмела отдыхать, это не значит, что смеют отдыхать все остальные. Возможно, отец отправился на очередное задание – я точно знала, что четкого графика у него нет, если он не появился за пять месяцев, конечно. Милану, быть может, отец захватил с собой. Или у нее появились какие-то другие дела.

Тем не менее, нужно уходить как можно скорее. Пока они не успели вернуться. И не пришлось вести очередные философские беседы.

Калейдоскоп. Придумала же.

Я бы скорее сказала, что моя жизнь – сплошное черное полотно.

А ведь когда-то – и не то чтобы слишком давно – моя жизнь и правда напоминала нечто цветное, состоящее из лоскутков всех оттенков. Когда рядом еще был Влад. Когда я творила всякие глупости и вызывала всяких демонов. Когда мы с Яром прятались в поле иван-чая. Когда я узнала о существовании Янтарной. И придумала себе, что влюбилась в ее помощника.

Но сейчас даже эти воспоминания приносят боль.

Только тьма.

И если на горизонте вдруг появится солнечный луч, тьма его поглотит.

Быть может, мне бы даже хотелось жить прошлым. Многие умеют. Но я – нет. Чем больше я вспоминаю о счастливых моментах, которые подарила мне жизнь, тем тоскливее мне становится от того, что они больше не повторятся.

Панкейки я все-таки доела.

И даже помыла за собой тарелку.

Освободила рюкзак от того небольшого количества вещей, что привезла с собой. Теперь внутри остались только кошелек и паспорт. На всякий случай.

Расчесавшись и подкрасившись (хотя я чудесно знала, что на морозе у меня слезятся глаза, и макияж долго не проживет), я оделась так тепло, как только сумела придумать. И покинула квартиру, закрыв ее собственным экземпляром ключей.

Вполне может случиться так, что открывать ее будет снова

Милана.

Раз уж они живут здесь вдвоем, наверняка квартира пустует реже, чем мне хотелось бы. Более того, отец наверняка проводит в ней значительную часть нерабочего времени. Теперь ведь ему не скучно. Раньше-то в квартире на постоянной основе находилась лишь я, а со мной и поговорить не о чем. Теперь там есть Милана, вполне симпатичная, если быть объективными, умеющая готовить и неплохо разбирающаяся в принципах черной магии – иначе в следственном комитет ее не взяли бы. А вместе с Миланой есть смысл возвращаться.

Милана-то наверняка не разочаровывает моего отца.

Это же не я, в конце концов.

Кажется, за то время, пока я отсыпалась, на улице успело потеплеть, хоть и немного. Светило дурное солнце, хотя больше всего мне сейчас хотелось видеть пасмурную погоду. Радовало только то, что приближается вечер. И, быть может, небо начнет темнеть ещё до того, как я вернусь в квартиру.

Всего неделя.

Но я вдруг с тоской, внезапно вспыхнувшей в моем сердце, подумала, как хорошо было бы жить здесь всегда, всю мою никчемную жизнь. А с моей любовью влипнуть в неприятности навряд ли эта жизнь будет особенно продолжительной.

Я не знала, куда идти, и все-таки пошла. Стоять на месте было холодно, мороз пробирался под куртку.

Все поменялось, потому что поменялась я.

И осталось прежним, потому что, как бы мне этого не хотелось, все чувства, что я испытала за восемнадцать лет жизни здесь, продолжали гореть внутри.

Я помнила каждый дом, мимо которого шла, каждое дерево, и даже лица казались мне знакомыми, хотя круговорот людей действительно бесконечен.

Вот рядом с этим заборчиком мы стояли с матушкой. Мне было восемь, я шла во второй класс, но туфельки – очень красивые туфельки – оказались совершенно неудобными. И матушке пришлось бежать в квартиру, чтобы принести мне сменную обувь. Сама я дойти, кажется, не могла.

Вот в этом доме жила девчонка, с которой я постоянно играла в детском саду. Потом мы разошлись по разным школам, и в итоге я забыла, как она выглядит. Но дом помню. Он красивый, этот дом, окрашен желтым и зеленым, точно лето, хотя краска успела изрядно облезть.

Вот на этом пешеходном переходе я впервые села на мотоцикл к Владу. В тот день тоже приближался февраль, к слову. Правда, тот февраль выдался теплым – весна приближалась изо всех сил. Владу в декабре исполнилось шестнадцать, а мне весной должно было только пятнадцать стукнуть, и я долго убеждала его в том, что маловата для всех этих мотоциклов. Но Влад уже в то время был невероятно нудным, поэтому прокатиться я все-таки согласилась. И мне даже понравилось.

Четыре года прошло.

Но ума так и не прибавилось.

Как же так получилось, что все это ушло в небытие? Почему детство не длится вечно? Почему шестилетняя дружба может завершиться так глупо?..

А ведь дом Влада совсем рядом. Не зря же мы тогда встретились возле этого самого пешеходного. Он был нейтральной зоной, одинаково отдаленной от дома Влада и от моего, чтобы мы не спорили, кто за кем придет. И если пройти ещё немного...

Подростковые воспоминания оказались слишком сильными, и я пошла.

Почему-то во времена нашей дружбы Влад всегда угадывал, когда я рядом. Может быть, таким образом работала его черномагическая интуиция, – но очень часто, когда я оказывалась поблизости от его дома, Влад тоже оказывался рядом с ним (а не в нем). Иногда я от него пряталась, но иногда не успевала – Влад меня замечал. Приходилось подходить и здороваться.

Поэтому я старалась обходить дом Влада за километр.

Но сейчас я стояла на его углу, совсем рядом, и смотрела вверх, туда, где должно располагаться окно комнаты моего бывшего друга. Вот только никак не могла заметить это окно, отличить от остальных. Я помнила этаж (восьмой), но забыла точное расположение квартиры, цвет штор, ещё какие-нибудь отличительные особенности.

Да и, к тому же, я была в гостях у Влада всего несколько раз.

Давно.

Последний раз случился тогда, когда Влад высказал мне все, что думает, а я высказалась в ответ, и наши пути разошлись. Вполне справедливо. Если мы так друг друга ненавидим, зачем же издеваться над собственными душами?..

Но почему же так больно?

Были одни люди, стали другие, а потом и они исчезнут, и ещё одни. Это бесконечный поток. Зачем вообще к кому-то привязываться, если в итоге ваши пути разойдутся? И останется только вот так стоять и смотреть. Но ничего не видеть.

А вдруг это мое предназначение – наблюдать за тем, как живут другие, раз у самой меня жить толком не получается? Порой примерять на себя разные роли, но так и не поучаствовать в настоящей игре? Придумать себе сказку, да так и жить? Существовать, если точнее?..

– Третье, если смотреть с этого края, – прозвучал голос за моей спиной.

И я, конечно же, его узнала.

Неудивительно. Черномагическая интуиция всегда чудесно работает. А вот моя внимательность в этот раз дала сбой. Быть может, и потому, что голова до сих пор немного побаливает.

– Спасибо.

Шторы на окне оказались фиолетовыми.

Точно.

Влад в один шаг оказался передо мной, и мне даже голову поднимать не пришлось – и без того смотрела вверх. Он попытался заглянуть в мои глаза своими, темно-серыми, но я успела отвернуться. Тогда Влад спросил:

– Ты вернулась?

Как будто за те почти полтора года, что я видела Влада лишь издалека (или не видела вовсе) он совсем не изменился – передо мной было все то же лицо, бледная кожа, выглядывающие из-под шапки темные волосы.

И ни тени улыбки на губах. Впрочем, я тоже не улыбалась.

– На неделю.

– Мне говорили, что ты учишься в другом городе.

Наши взгляды наконец пересеклись. И Влад отчего-то вздрогнул. Я заметила:

– Зато мне про тебя ничего не говорили.

– Я отчислился, – признался он. – Ещё год назад. Колдовство начало занимать слишком много времени. Пришлось выбирать. Правда, все чаще начинаю жалеть.

– Печально. С другой стороны, когда приходится совершать выбор, в любом случае приходится жалеть об упущенном.

– И ты жалеешь? – поинтересовался Влад. Почему-то очень тихо.

– И я.

Я смотрела на Влада – и не могла поверить своим гла-

зам. Слушала, отвечала, – но мне все время казалось, что это фантом, призрак, что он вот-вот растворится, и я останусь одна.

Все было так просто.

Мы стояли друг напротив друга и разговаривали, как в прежние времена. Словно и не было ссор, недомолвок, полутора лет молчания.

Но всему должен быть конец, и я решила, что сейчас самое время завершить эту глупость. Развернулась... А потом он позвал:

– Яна.

И в одном только моем имени, таком коротком и простом, было гораздо больше чувств, чем во всей нашей беседе до этого.

– Влад, – отозвалась я.

Мы снова пересеклись глазами, и Влад отвернулся первым.

– Тебе не холодно?

И будто спрашивал не о моем теле, а о моей душе.

– Ничуть, – бросила я гордо. На самом деле, какие-то две минуты на месте уже заставили меня дрожать. Леденели губы и пальцы рук, но я надеялась, что Влад этого не заметит.

Как оказалось, зря.

– Обманывать ты никогда не умела...

Он вынул руку из кармана – длинные пальцы, не прикрытые никакими перчатками – и потянулся к моему лицу,

кажется, желая что-то поправить. Но я предусмотрительно шагнула назад.

Не стоит меня касаться.

– Не переживай. Сейчас я пойду дальше и на ходу согреюсь. Так что, пожалуйста, прекращай меня задерживать, и...

Я хотела добавить нечто вроде «Надеюсь, больше мы не увидимся», но Влад, который сам всегда учил меня хорошим манерам, успел перебить:

– Я хотел пригласить себя в гости. Мама в последнее время часто о тебе спрашивает. А сейчас она дома. Заодно согреешься. Зачем вообще выходить на улицу в такую погоду?

Тыкать Влада в то, что он в такую погоду сам почему-то находится вне дома, я не стала. Но над приглашением задумалась. Общаться с Владом мне совсем не хотелось, но его мама всегда проявляла ко мне необычайную доброту. А ее я эти полтора года не видела вовсе, даже издалека.

Только если это не очередная уловка Влада.

С другой стороны, зачем ему насильно звать меня к себе в гости? Он сам предельно ясно заявил, что не хочет иметь со мной ничего общего. А вот мамины желания старается учитывать.

Сын он хороший. Мне так всегда казалось, с первой нашей встречи. Если он даже к моему отцу относится с большим уважением, чем я сама.

– А тебе не будет противно находиться со мной в одном помещении?

– Почему мне должно быть противно?

Я склонила голову. Скользнула взглядом за спину Влада. Белый снег, вереницы домов. Дети. После обеда они все-таки начали появляться на улице, несмотря на холод. И по ним так сразу не скажешь, что они страдают от чересчур пониженной температуры.

– А подружка не будет ревновать? – все никак не могла успокоиться я.

Влад хмыкнул.

– Понял. Ты хочешь меня добить.

– Я всегда могу уйти...

– Мама будет рада, если ты останешься, – он чуть помолчал и только потом добавил: – И я.

Подул холодный ветер, я задрожала ещё сильнее. Вновь покосилась на Влада. Он неотрывно смотрел на меня. Наконец я решилась (в конце концов, нужно же мне было окончательно попрощаться с чудесной мамой Влада – уж она ни в чем не была передо мной виновата):

– Только ради Татьяны Валерьевны.

– Пусть так.

Идеально чистый подъезд, бесшумный лифт, белые лампы.

Я успела упустить те несколько мгновений, пока мы поднимались до квартиры Влада. Очнулась лишь тогда, когда Влад звенел в дверной звонок. За дверью слышались тихие шаги. Сверкнул дверной глазок, раздалось удивленное:

«Влад? Ты не один?». И дверь распахнулась.

На Татьяне Валерьевне были клетчатые брюки, теплый домашний свитер и, кажется, та же самая жемчужная нить на шее, которую я видела при последней нашей встрече. Опрятная укладка светлых волос. Серые глаза, как у Влада, и отходящие от них лучики морщинок.

– Здравствуйте, Татьяна Валерьевна, – произнесла я, только сейчас осознавая всю глупость происходящего.

– Яна! – воскликнула она, сразу меня узнав. – Добрый день, дорогая! Так давно не виделись... Проходи скорее, не стой за порогом. Я очень по тебе соскучилась. Влад, и как ты ее нашел? Вы наконец-то помирились?

– Мы не ссорились, мама, – отозвался Влад устало.

– Конечно, сын, – она нахмурилась. – Но, тем не менее, я не видела Яну полтора года. И ты даже не передал ей цветы на день рождения. А у Яны скоро новый.

Я посмотрела на Влада и только сейчас осознала, что в декабре ему исполнилось двадцать лет. Подумать только! До сих пор помню то время, когда поздравляла его с тринадцатилетием. Было это спустя несколько месяцев после нашего знакомства. Тогда он ещё не был таким высоким – и таким жестоким.

А ведь я не поздравила его с юбилеем.

Когда-то, еще лет в шестнадцать, я думала, что его двадцатилетие мы встретим вместе. И я наговорю Владу тьму всяких гадостей, а он будет скрипеть зубами, но все же бла-

годарить меня. Скажу, какой он теперь старый, раз ему идет аж третий десяток, и что скоро из него посыплется песок, пожелаю крепкой памяти и здоровой спины.

И вот, пожалуйста.

Когда Владу исполнялось двадцать, я была в тысяче километров от него.

Впрочем, когда исполнялось восемнадцать мне, совсем никто меня не поздравил, даже письменно. И уж тем более никакого букета я не получила. Несмотря ни на что, это было обидно.

– Спасибо, что помните, – отозвалась я искреннее.

– Снимай куртку и пойдем пить чай, – Татьяна Валерьевна кивнула и скрылась на кухне.

Влад молча раздевался рядом, и я произнесла, быстро взглянув на него:

– С прошедшим юбилеем.

– И тебя, – ответил он тихо, – с совершеннолетием. – А потом добавил: – Когда-то я думал, что мы встретим его вместе.

– Юбилей или совершеннолетие?

– И то, и другое.

– И я.

Он поднял на меня глаза:

– Правда?

А я холодно ухмыльнулась – что мне ещё оставалось? Было время, когда я была уверена, что мама и совсем взрослая

я будем сидеть на нашей кухоньке, пить чай и разговаривать обо всем на свете. А потом я познакомлю ее со своим молодым человеком, и что он обязательно будет таким же надежным и заботливым, как папа. И где это все?..

– Яна, расскажи мне что-нибудь интересное, – попросила Татьяна Валерьевна, когда мы оказались на кухне, предварительно помыв руки. Я не меньше минуты простояла, держа пальцы под горячей водой. – Как учеба, нравится? Не против травяного чая?

Я помотала головой из стороны в сторону. Из чайничка, в котором, кажется, спряталось лето (я различила несколько ромашек и ягоды смородины), Татьяна Валерьевна разлила чай по трем аккуратным чашечкам.

Она села сбоку, и мы с Владом оказались друг напротив друга. К счастью, стол был достаточно длинным. И смотрела я только на Татьяну Валерьевну.

– С учебой все хорошо, – ответила я. – Учусь на первом курсе, на химика, – и я назвала свой университет. – Химии меньше всего, в нас изо всех сил пытаются вбить высшую математику. Не самое интересное занятие, но, в принципе, постигаемое.

– Как человек, который в свое время окончил математический факультет, прекрасно тебя понимаю, – Татьяна Валерьевна рассмеялась. Надо же, а я совсем забыла об этом факте. Но, кажется, даже Влад говорил, что тяга к техническим наукам у него от матери... – А мой бросил. Сказал, что это

не его. А ведь так все хвалили!.. Звонили мне из деканата, просили побеседовать. Говорили, талант...

– Мама, я все ещё здесь, – напомнил Влад.

– Ты не подумай, я не осуждаю, – Татьяна Валерьевна вздохнула. – Я принимаю это решение.

– Вы – хорошая мать, – заметила я осторожно.

Она кивнула, крутя чашку в руках.

Я сделала несколько глотков, и тепло разлилось по телу.

Душа наполнилась воспоминаниями.

Последнее настоящее лето было, когда мне исполнилось семнадцать. Когда я познакомилась с Яром и ещё не успела разойтись с Владом. Когда мы с отцом вместе ходили по лесу и разговаривали на равных. Полтора года назад мне казалось, что все светлое окончательно ушло, кануло в небытие, но сейчас это лето вспыхнуло где-то внутри.

– Так жаль, что вы поссорились, – продолжила Татьяна Валерьевна. – Я сотню раз говорила Владу, чтобы он с тобой помирился. Хотя бы попытался. Но каждый раз он пропускал мои просьбы мимо ушей...

Я быстро взглянула на Влада – даже поза его была напряженной.

– Мы не ссорились, Татьяна Валерьевна, – повторила я точь-в-точь те слова, что недавно произнес Влад.

– Как же, как же... – она покачала головой. – Знаю, что ты не хочешь выставлять его в плохом свете. Но если бы вы не ссорились... Мне совсем не понравилась девочка, которую

он нашел, Вика...

– Мама, – вновь напомнил о себе Влад.

Мне тоже не нравилась Вика. Но разве меня кто-то спрашивал?

Атмосфера в комнате накалялась. А я не хотела создавать ссоры.

Я зацепилась взглядом за электронные часы и подумала, что время может стать неплохим оправданием. Время... Его же вечно всем не хватает, верно?

Я мгновенно допила чай (что было, конечно же, некультурно), даже не взглянув на угощения. Заметила:

– Мы просто не сошлись во взглядах, вот и все. – И на этом решила, что хватит оправдывать Влада – он в свое время даже не попытался меня оправдать. А потом призналась: – Татьяна Валерьевна, на самом деле, я хотела с вами попрощаться.

– Что? – она даже вздрогнула, и я успела пожалеть, что вообще затеяла этот разговор. Поспешила успокоить:

– Ничего такого, вы не подумайте. Просто теперь я живу в другом городе и, скорее всего, со временем буду появляться здесь все реже. А когда-то и вообще перестану бывать... вдруг. Не люблю исчезать, не сказав ни слова.

– Яна... – Татьяна Валерьевна покачала головой. – Я понимаю, конечно. Но все же осмелюсь дать совет – не забывай приезжать сюда. Тут ведь все твое детство, вся твоя юность – как не приезжать?... И обязательно заглядывай к нам, я буду

рада тебя видеть, да и Влад тоже. Ведь так, Влад?

Я посмотрела на Влада, и он хмуро кивнул.

– Вот видишь...

– Но все поменялось, Татьяна Валерьевна, – заметила я. И не смогла скрыть горечи.

– Конечно, все поменялось, – она кивнула. – Дети взрослеют, мы стареем. Но если в твоей жизни есть те, кто тебе дорог, нужно за них цепляться. Судьба не так часто дарит нам важных для нас людей, и ей не нравится, когда ее подарки отвергают.

Я попыталась улыбнуться.

Почувствовала на себе взгляд Влада, повернулась в его сторону, но ничего не сказала.

Зачем, зачем ты на меня так смотришь? Ты сам решил, что между нами все кончено. Ты поставил точку в наших отношениях. Ты нашел себе девушку, хотя незадолго до этого говорил о любви со мной.

Ты меня предал, не я.

Ты не попытался меня понять.

Может быть, когда-нибудь я и смогла бы тебя полюбить, но ты сам решил, что этому не суждено случиться.

А я просто хотела знать правду, вот и все. Я просто хотела избавиться от одиночества. Хотела, чтобы у меня была тетя с каштановыми волосами, так сильно похожими на мои, раз матери у меня нет. Да ты и сам отлично знаешь, Влад, как она меня бросила, едва мне исполнилось одиннадцать.

Тебя ведь и познакомили со мной, дурачок, лишь чтобы я на что-то отвлеклась, чтобы перестала убиваться по матушке.

Тебя использовали, Влад. Мой отец. Познакомить нас было именно его идеей. Так почему же ты считаешь предательницей меня, а не его?..

– Я буду помнить, что вы меня ждете, – отозвалась я, поднимаясь из-за стола. – Но ничего не могу обещать – моя жизнь складывается не так, как я когда-то думала, и я не знаю, что впереди... А сейчас мне пора спешить. – И солгала: – Ждут.

– Понимаю, – Татьяна Валерьевна поднялась следом за мной. Посмотрела за окно: – Кажется, намечается метель... – И вдруг взглянула на меня своими добрыми глазами: – Понимаю, что заставляю тебя испытывать неловкость, но позволь мне сделать тебе один подарок. Я все ждала подходящего повода, чтобы его вручить, но, раз все так складывается... Пусть это будет моим подарком на твой грядущий день рождения. Можешь дожидаться меня в прихожей, если сильно опаздываешь.

– Не следовало...

Но Татьяна Валерьевна посмотрела на меня так непреклонно, что я передумала сопротивляться. И кивнула.

Татьяна Валерьевна скрылась в одной из дальних комнат, я прошла в прихожую. А Влад последовал за мной, как верная собачка.

Молча сняла с крючка куртку, и он потянулся к своей.

– Ты собираешься меня провожать?

Влад кивнул.

Что ж, как знает.

Татьяна Валерьевна вернулась, едва я успела надеть шапку. И протянула мне аккуратную крафтовую коробочку, совсем небольшую, поместившуюся в передний карман рюкзака.

– Пообещай, что помотришь, – попросила она.

– Обещаю, – произнесла я, а обещания ведьмы значат очень многое.

На прощание мы с Татьяной Валерьевной обнялись, и, покидая квартиру, я точно знала, что увижу ее совсем нескоро, если нам вообще повезет встретиться. А чутье меня никогда не подводило.

На бесшумном лифте мы с Владом спустились на первый этаж. Там он меня и остановил.

– Я перед тобой виноват, – сказал Влад, и мне пришлось обернуться.

Я покачала головой.

– Когда мы увидимся в следующий раз? – спросил он.

Я удивленно изогнула бровь.

«Никогда» слишком сильно хотело сорваться с моих губ, но Влад сам всегда учил меня быть вежливой.

– Ты знаешь, где меня искать.

И знал все это время.

Кажется, и я, и он прекрасно это понимали.

Наступила минута расставания, и Влад поинтересовался:

– Даже не обнимешь на прощание?

– Я никогда не обнимала тебя на прощание, – напомнила ему я. И добавила: – Прощай.

– До встречи.

Я выбежала на улицу.

Едва от дома Влада меня загородила недавно построенная девятиэтажка, я сняла рюкзак и осторожно открыла коробочку, попавшую ко мне от Татьяны Валерьевны. И подцепила ее подарок.

Это был круглый медальон – прозрачная смола и ярко-желтая хризантема, так сильно напоминающая маленькое солнце.

Когда-то Влад тоже дарил мне украшение – кошачий глаз, который должен был меня защитить. Я до сих пор храню его, даже увезла в другой город. Это была единственная вещь, что хоть как-то напоминала мне о Владе. Я даже пару раз осмелилась его надеть. А когда моя соседка, Марина, спросила, откуда этот чудесный камешек, я ответила честно – его подарил мне дорогой человек. Когда-то давно – дорогой.

...Я так хотела быть солнцем.

Я мечтала дарить свет и зажигать чьи-то глаза. Я надеялась приносить тепло и согревать души. Я верила, что кто-то, даже если всего один человек, вспомнит обо мне в холодную темную ночь, и ему станет хотя бы немного, но легче.

Но я была всего лишь тенью, бесправной тенью, которая не может никак себя защитить. И даже колдовство не в силах меня спасти.

***

Татьяна Валерьевна оказалась права, и уже на середине пути меня настигла метель.

Но, что удивительно, идти в сопровождении падающего снега было гораздо теплее, чем под слепящим солнцем. Небо затянулось светло-серыми тучами, так что мгновенно наступил вечер, но мне почему-то даже стало радостнее, и я сделала несколько лишних кругов в районе своего дома, пока не начало темнеть.

Правда, эта радость мгновенно рассеялась, когда я увидела дом моего отца. И мой дом тоже. А ещё Миланин.

На эту сторону выходило два окна – одно относилось к отцовскому кабинету, другое к кухне. В обоих горел свет (а я точно знала, что все выключила, когда выходила). Это значило, что одной мне точно никак не удастся побыть. И что снова придется вести беседы – а я, признаться честно, уже устала за сегодняшний день что-то кому-то объяснять.

Но нагуляться я успела вдоволь, поэтому ничего, кроме как войти внутрь дома и подняться по лестнице до седьмого этажа, мне не оставалось. И я вошла. И поднялась. Постучалась.

Мне снова открыл не отец.

Я вновь видела Милану. На ней был все тот же домашний

костюм, только макияж она еще не успела смыть, и лисьи глаза поблескивали золотыми тенями.

Сразу вспомнился лежащий у меня в рюкзаке медальон.

Я никогда не решалась краситься так ярко. Может быть, и зря.

– Добрый вечер, Яна, – произнесла Милана. – Очень рада тебя видеть.

– Добрый вечер, – отозвалась я осторожно. – А отец... – слово непривычной горечью обожгло язык, – дома?

– Задерживается, – она вздохнула. – Дела. Как обычно. Да ты наверняка и сама знаешь. Зато я успела приготовить ужин. Пойдем?

И я почему-то согласилась.

Наверное, у меня просто не было сил спорить.

Ужин в самом деле получился неплохим – картошка, нарезанная ломтиками и потушенная вместе с грибами и зеленью. Я в общепитии чаще всего варю себе кашу – нет времени на кулинарные изыски. И на чистку картошки тоже. Но Милана все равно пообещала дать мне рецепт, а я даже заметила, что попытаюсь когда-нибудь его повторить.

Несмотря ни на что, она была неплохой, эта Милана.

Может быть, познакомься мы раньше, смогли бы вполне неплохо общаться. Тогда, ещё до Янтарной... Принять я бы навряд ли ее приняла, все-таки не так это просто делать. Но между нами – а вдруг? – вполне могло завязаться что-то вроде дружбы.

Впрочем, мы и сейчас взаимно друг друга уважали.

Точнее, мне хотелось ее уважать.

Попала я к себе в комнату только тогда, когда за окном давным-давно наступила темнота. И сразу удивилась – пахло внутри на удивление свежо и приятно.

Исчезла со шкафов пыль.

Постельное белье заменилось новым, будто бы даже хрустящим.

На комод, рядом с кроватью, стояла стеклянная ваза с пятью белыми лилиями, источающими тонкий невинный аромат. И как только выжили, в такой-то мороз?..

Я прекрасно знала, кто так обо мне позаботился.

Знала – но все равно улыбнулась.

Как будто так тщательно возведенная мной стена начинала рушиться. А мне очень этого не хотелось. По крайней мере, прежде чем внезапно уснуть уже во второй раз за день, я убеждала себя именно в этом.

Глава 3. Иначе

Давно я не спала так долго. Уснула я около восьми вечера, а встала только через четырнадцать часов, в десять. То ли сессия вытянула из меня последние силы (а я и вправду спала весь месяц часов по четыре-пять), то ли так успокаивающе действовал на меня родной город.

Когда я встала, в квартире снова никого не обнаружилось, и это меня даже обрадовало.

На плите, под крышкой, стоял омлет. Видимо, дожидался меня. Вот и зачем нужно было так беспокоиться... Как-то же я прожила пять месяцев, прокармливая сама себя. И даже не умерла от недостатка пищи. Разве что похудела на пять килограмм (я и так не была фигуристой, а сейчас стала совсем плоской). Но тут виноват не недостаток еды, а постоянный стресс. Стресс кого угодно заставит похудеть.

Я прошлась взглядом по кухне. Вчера было не до того – то в кухне находился кто-то, кроме меня, то я очень спешила уйти. А тут вдруг вспомнилось, что я так и не поздоровалась с домовым.

На столе стояла чашечка с печеньем, и я, схватив одно из них, открыла шкафчик под раковиной. Осторожно положила печенье поближе к стене, к специальному отверстию.

– Что-то ты совсем тихий, друг, – заметила я, обращаясь в пустоту. – Раньше постоянно давал о себе знать, а теперь

молчишь. Отец говорит, что ты подружился с Миланой. Но я тебя не осуждаю – она, кажется, в самом деле неплохая.

Домовой ничем себя не выдавал, но я точно знала, что он здесь и внимательно меня слушает.

– Хорошо. Понимаю, что ты на меня чрезвычайно обижен. Ну и ладно, обижайся, пожалуйста.

Я последний раз посмотрела на печенью, прежде чем встать, и заметила лапку, подцепившую угощение. Обида обидой, а любовь к еде победила. И меня тоже – омлет, приготовленный Миланой, я все же съела. Неплохой оказался омлет. Надо бы тоже что-нибудь приготовить... Мне весной девятнадцать, я сама могу о себе позаботиться. Янтарная в девятнадцать лет ушла из дома, да так и не вернулась. А матушка вышла замуж за моего отца.

Планы на сегодняшний день у меня были примерно такие же, как и вчера – до одури нагуляться по знакомым улочкам. Правда, в этот раз я собиралась воспользоваться автобусом и уехать подальше. Туда. К тому месту, которое уже полтора года занимает мои мысли.

Отец сказал, что ее тело сожгли.

Ведьм сжигают. И это не просто красивая легенда из Средневековья. Раньше сжигали живых, теперь мертвых, если родня не выступает против. Ее кремации никто не противился.

Я пыталась спросить у отца, куда они дели прах, но он не ответил ничего дельного. Быть может, так и оставили, на

том самом месте. И он сам разлетелся над городом, оседая на чьи-то окна. Или же они поступили благоразумнее и спрятали его в надежное место. Хотелось бы верить.

Для меня местом памяти в любом случае оставался тот самый парк, расположенный совсем неподалеку от белоснежного особняка, в котором обычно проходят черномагические суды. До сих пор проходят, насколько я знаю, хотя, конечно, в широких кругах об этом предпочитают не распространяться.

Я приехала в город, который стал последней обителью Янтарной, моей тети, так сильно на меня похожей.

Конечно, я не могу не заглянуть к ней.

Я была там перед отъездом в общежитие, решив наведаться к этому месту впервые спустя почти год после произошедшей трагедии. Но продержалась совсем недолго – максимум минуту. Листья на деревьях начинали желтеть, приближалась осень, и от этого было слишком больно.

Но ведь сейчас все должно быть по-другому?..

За сутки на улице потеплело. До весны, конечно, еще далеко, но температура установилась привычно-зимняя, и я даже осмелилась нанести тушь на ресницы, чего в мороз никогда не делаю. Вышла из квартиры ближе к полудню. Прежде чем сесть на автобус, почти за двадцать минут дошла до кофейни, в которую изредка заглядывала, прежде чем уехать. И взяла себе латте с ореховым сиропом, почти не жалея денег.

Кофе, казалось, обжигал все внутренности, но я чувствовала себя прекрасно.

И даже успела запрыгнуть в автобус, отыскав остановку поблизости – идти назад, к дому, большого желания не возникло. Прижалась к одному из окон, продолжая держать в руках теплый стаканчик, и рассматривала все вокруг, желая, чтобы автобус ехал как можно медленнее и я успела вдоволь наглядеться на все детали.

Но водитель автобуса плевать хотел на мои желания и мчался наравне с большинством легковых автомобилей, несмотря на габариты.

Дома, деревья, лавочки.

А ведь многие из этих мест я видела лишь мимолетом. Проходила по этим улочкам максимум три раза за всю свою жизнь. Так почему же при одном взгляде на них щемит сердце? Воеет так, будто я когда-то имела, но теперь потеряла нечто важное?..

Кофе закончилось ещё в начале пути, поэтому оставшееся время я просто грела ладони. И слушала музыку – в последнее время я постоянно что-то слушаю. В этот раз выбор пал на зарубежный рок.

А потом мелькнул впереди величественный белый особняк, и мне пришлось подниматься, чтобы скоростной водитель не проехал мимо.

Я дрожала, хотя успела согреться, пока сидела в автобусе. И едва не упала, спускаясь к остановке. Споткнулась, по-

грузившись в свои мысли. Благо, человек, выходящий следом, успел подхватить меня за локоть. Правда, его лицо я не увидела и поблагодарить не успела. Когда опомнилась и решила обернуться, за моей спиной уже никого не стояло. Зато от двери быстро удалялся высокий мужской силуэт...

Вот он, этот чудесный особняк.

Этот парк – стройные ряды деревьев, покрытых белоснежными шапками. И расчищенные тропинки, чтобы кому-то вроде меня можно было спокойно прогуливаться.

Любовь моя, моя боль.

Победа моя, мое поражение.

Я шла медленно.

И не потому, что отмечала детали.

Напротив, перед глазами все слилось в единое белоснежное пятно, в некоторых местах исчерченное темными ветвями деревьев и звучащими вдали голосами. Я шла и думала о том, что сейчас точно грохнусь, и в этот раз за спиной не окажется того, кто меня подхватит. Ни разу больше не окажется.

А ведь почти полтора года назад (правда, особняк на фоне был другой, ужасающе-черный) меня словили, когда я летела. В прямом смысле летела, с неба. Или, точнее, портала. Это был Кирилл, и я тогда ещё не знала, что он служит Янтарной. Настоящий черный колдун. Предавший меня и мной преданный.

Это было так давно и в то же время, кажется, мгновение

назад.

Я хранила в своей душе все воспоминания, и в нужный момент душа одаривала меня ими, заботливо напоминая, кто я такая и в чем виновата. Но даже за полтора года я так и не смогла понять, чем заслужила всю эту муку.

Я осознала, что слезы застилают мне глаза, только когда дошла до места.

Остановилась и поняла, что вот-вот расплачусь. И меня совсем не волновало то, что двадцать минут я потратила, чтобы нарисовать относительно ровные стрелки. Производитель подводки обещал мне стойкость, – так почему бы мне ее не проверить?..

Янтарная.

Кирилл.

Отца можно понять. Несмотря ни на что. Он поверил в то, что говорят другие, но не услышал меня, – а это, в общем-то, за всю мою жизнь происходило так часто, что даже не удивило. Отец решил, что я глупая и никчемная, а Янтарная жестокая и злая, и что меня можно убереечь, только избавившись от нее. А меня следовало оберегать – как-никак, отец вложил в меня столько ресурсов...

Но ведь и меня понять было можно.

Правда, никто не попытался это сделать. Разве что Яр. Яр, связь с которым с самого начала была неправильный. Черная ведьма и белый маг. Зачем он вообще попался мне на глаза? Зачем подарил надежду? Чтобы после навсегда исчезнуть?..

Я скучала.

Я так по всем скучала, но никому не могла в этом признаться. Даже сама себя не одобряла. Ты предала. Тебя предали. Так зачем цепляться за прошлое? Иди вперед, гордо расправив плечи. Иди вперед, они не достойны твоей печали. А ты не достойна занимать место в их жизни.

Янтарная.

Здесь она тогда лежала, совсем недалеко от места, где я остановилась, и пряди ее волос были точно раскинувшиеся корни дерева, пытающегося дотянуться до воды – и жизни.

Вот только уже полтора года прошло с тех пор, как Янтарной не стало, а я все ещё здесь – и до сих пор не поумнела.

Я – это и есть она.

Яна – Янтарная.

Она, и моя матушка, и моя бабушка, и моя прабабушка, и вся вереница лиц – одно сменяет другое, но круг не замыкается. По крайней мере, не замыкался прежде. Быть может, я его замкну.

Кирилл покинул меня раньше, ближе к особняку. Он был предателем, и тетя решила, что он недостоин жить. Но почему тогда достойна я?..

Я сделала глубокий вздох, из груди вылетело непроизвольное рыдание.

Почему же мы так любим сами себя убивать?..

Почему убиваем других?

Я всхлипнула ещё раз, не в силах себя сдерживать. Я все-

гда так хотела быть сильной и гордой. Настолько устойчивой, что никто и никогда не смог бы меня сломать. Я мечтала отвечать на оскорбления ухмылкой. Я надеялась, что смогу постоять за себя сама, и никто, никто и никогда больше не сможет меня обидеть.

Но сама приехала в этот парк.

И именно я сейчас стою, разглядываю неясное пятно перед глазами и не смогу сдержать рыдания.

– С вами все в порядке? – раздался голос справа от меня.

Я повернулась и попыталась проморгаться. Секунд через пять мне удалось разглядеть стоящую передо мной девушку. Примерно мой возраст, выглядывающие из-под шапки темные волосы, милое лицо, на котором застыло беспокойное выражение.

И душа.

И душа, отливающая чернильно-черными искрами.

Мою душу эта ведьма не видела. Или же, если она вдруг смогла заглянуть под все охранки и поняла, что я тоже колдую, то не подала виду.

Впрочем, у нее самой душа не закрывалась ничем, кроме так называемой «заслонки», под которую очень легко заглянуть, приложив одно лишь желание. Для меня такие заслонки давно уже не являются проблемой.

– Да, – ответила я наконец.

Она покачала головой:

– Так и не скажешь. Не поделишься, что случилось? Обе-

щаю никому не рассказывать.

Я смотрела на нее – родинка на правой щеке, карие глаза – и не могла понять, зачем она вообще ко мне подошла. Нравнодушие? Сочувствие? Сопереживание?

Но ведь все знают, что черным ведьмам эти чувства несвойственны.

– А какая тебя разница? – не выдержала я.

Она поправила прядь волос.

– Просто интересно. Нет, не так... Не знаю, как объяснить. Шла и заметила тебя, и чутье мне подсказало, что нужно подойти.

– Чутье, – повторила я.

Мы пересеклись глазами, и в ведьме начали зарождаться догадки.

Конечно. Не зря же я постоянно упоминаю чутье. В сведущем обществе даже ходят шутки о черномAGICеской интуиции. Насмешки над тем, что в отличие от белых, которые знают точно, мы постоянно опираемся лишь на собственные домыслы.

Впрочем, ничем догадки этой девушки я подтвердить не собиралась.

– Ира, – представилась ведьма, протянув мне руку.

Прежде, кажется, мы в самом деле не пересекались.

– Приятно познакомиться, – отозвалась я, не пожав ее.

И имя свое называть не стала. Когда-то история с Янтарной гремела на весь наш город, пусть меня и пытались оградить

от всяких сплетен. А имя у меня не такое и частое. Не так сложно соотнести факты.

– И все-таки? – не выдержала Ира.

– Да так, – я пожала плечами. – Вспомнила некоторые события.

– С парнем гуляли в этом парке?

Я удивленно взглянула на нее.

И все-таки, почему-то черные ведьмы в большинстве случаев считают, что простые девушки плачут только из-за отношений. Я сама когда-то так думала, что скрывать. Со временем перестала, и тем не менее.

– Можно и так сказать, – не стала я спорить.

– Не грусти, – Ира улыбнулась, – ты обязательно ещё встретишь человека, который тебе предназначен. Понимаешь... если он твой, а ты – его, вы обязательно будете вместе. Даже если из-за какого-то недоразумения расстались. А если он – так, пустышка, то и жалеть нечего. Главное – верить в любовь. И помнить, что ты – самое дорогое, что у тебя есть.

Я хмыкнула. Спросила:

– Ты психолог?

Многие черные ведьмы шли именно в эту отрасль. Кому, если не нам, копать в чужих душах и извлекать на свет истину?..

– Да, – Ира просияла, кажется, восприняв мой вопрос как комплимент. – Учусь на втором курсе психфака.

– Успехов, – посоветовала я вполне искренне.

– Спасибо, – улыбка Иры стала ещё шире. И тут она заметила: – А ты перестала плакать.

– И правда. – Я достала телефон, посмотрела время. Вчера сработает, быть может, и сегодня тоже? – На самом деле, я уже спешу.

– И я, если честно, – Ира вздохнула, коснулась шапки. – Приятно было пообщаться! Может быть, когда-то мы пересечемся вновь.

– Может быть, – согласилась я, не став говорить, что уже пять месяцев здесь не живу.

И мы разошлись в разные стороны. Ира отправилась дальше по парку, а я вернулась к особняку и, не оборачиваясь, покинула его территорию.

Бывают же ведьмы.

Я перешла на другую сторону и направилась в сторону дома, двигаясь вдоль остановок. Разглядывай детали – не хочу. Правда, мне и в самом деле не хотелось, и я все думала о чем-то, думала, думала...

Спустя час все же села на автобус. Совсем отвыкла от длительных прогулок, постоянно сидя то в университете, то в общаге. А до нового семестра уже меньше шести дней, и сидение на месте продолжится. И как еще год назад я все успевала? И готовиться к экзаменам, и заниматься магией, и бесцельно бродить по городу, при этом считая, что времени мне ни на что не хватает?.. Университет оставлял на магию в самом деле совсем мало времени, и уж теперь мне точно при-

ходится тяжело. Правда, я только сейчас это поняла. Познала в сравнении.

В отличие от поездки к особняку, при поездке обратно я никак не могла расслабиться и все время сидела напряженно, готовая обороняться в любой момент. Не знаю, откуда взялось это предчувствие, но ощущала я себя в самом деле прескверно. Никак не могла дождаться, когда покину автобус. Уже приближаясь к дому, не выдержала и пожертвовала частицу души на то, чтобы просканировать присутствие магии в радиусе пяти метров от меня. Но никакой магии не обнаружила. Даже намеков на то, что она была. Ни одной искорки, что уж говорить о магических душах...

Но спокойнее все равно не стало.

Я выскочила из автобуса мгновенно, не оборачиваясь. Быстрыми шагами направилась в сторону своего дома – убежать, спрятаться, спастись... От чего-то, что и не думало каким-либо образом мне вредить. Или пряталось настолько хорошо, что я не могла это опознать – кто знает? Все равно спешила. Интуиция, она такая. Лучше ей доверять, чтобы потом не корить себя.

И снова все слилось, только в этот раз не от слез, а от страха, непонятно откуда взявшегося. Ещё полтора года назад я внушила сама себе, что совсем ничего не боюсь, но, как обычно, себя обманула. Я боялась. Прямо сейчас боялась. И старалась исчезнуть как можно скорее...

А потом, уже возле самого подъезда, с кем-то столкнулась.

Сердце, кажется, рухнуло.

Я плавно шагнула назад, медленно подняла голову.

Темно-серые глаза. Растрепанные волосы, совсем черные на фоне белого снега. Страх отступает, и на место ему приходит спокойствие. Если он рядом, никто меня не тронет. Не знаю, с чего я так решила. Шепнула душа, быть может. «На этот раз ты спасена. Но не расслабляйся – все ещё впереди».

– Это я так тебя напугал? – уточнил Влад, не здороваясь.

– С чего ты решил, что я напугана? – поинтересовалась я беспечно.

Глубокий вдох, расслабленный выдох. И кто может сказать, что мгновение назад я бежала, сама не зная от чего?

Влад пожал плечами. Отвел взгляд в сторону. Бросил:

– Я вчера не все сказал.

– Очень жаль, – заметила равнодушно.

– И правда, – Влад хмыкнул.

– А зачем ты здесь стоишь? – не вытерпела я. – Вика переехала в наш подъезд?

– Яна, – он вновь посмотрел на меня, я ответила Владу непроницаемым взглядом. И Влад сказал то, что, кажется, не планировал говорить изначально: – Тут неподалеку кафе открылось, ты знала?

– Нет, не знала.

– Не хочешь посмотреть?

– Зачем мне на него смотреть?

– Или посидеть, – не унимался Влад. – Внутри. Там, гово-

рят, вкусные пирожные. Я не пробовал.

– Когда-нибудь, может, и посижу. Если ещё раз сюда приеду.

– Нет, ты не поняла...

– Опять я что-то не поняла, – я покачала головой.

– Яна, – Влад нахмурился. Прекрасное имя, кто же спорит. Но зачем повторять его уже второй раз за такой короткий промежуток? Да ещё и с этими интонациями... Особыми. Даже описать их не получается. Но они все равно очень, очень сильно мне не нравятся. – Я тебя приглашаю сходить туда со мной.

И каждое слово – как гвоздь.

Я. Тебя. Приглашаю.

С чего. Бы. Тебе. Меня. Приглашать?

– Я простоял здесь два часа. Устал. Номер твой недоступен.

– У меня новый.

– Так ты пойдешь?

Я улыбнулась:

– Нет.

– На самом деле, вчера я не успел сказать тебе нечто важное. А прямо так не хочется. Долгая история. Может быть, все же решишься? Единственная просьба.

– Я тебя не понимаю, – призналась я, покачав головой.

– Я мог бы что-то подсказать, если бы сам себя понимал... Жду твоего окончательного решения. Если ты гово-

ришь «да», то прямо сейчас мы идем вместе. В кафе. Если ты говоришь «нет», то я иду один. В супермаркет.

– За выпивкой? – попыталась я пошутить, а Влад взял и кивнул. – Ты же не пьешь?.. Ты ведь такой правильный, честный и благородный, и...

Он поморщился и напомнил:

– Я жду твоего решения.

И глаза грустные, как у щенка, выброшенного на улицу. Большие и грустные глаза. Это его безотказный взгляд ещё с тех времен, когда Влад учился в восьмом классе. А это было в действительно доисторические времена.

Вот и зачем так на меня смотреть? Действовать на жалость? Ждать, пока я сдамся? Но только какой в этом смысл, если точка уже была поставлена? Я этого не понимаю и не уверена, что смогу понять. У меня с недавних пор принцип «все или ничего». Все или ничего, что тут объяснять?

– Ладно, – решила я наконец.

– Это «нет»?

Оптимизмом Влад никогда не отличался. И даже сейчас, в двадцать. Хотя, казалось бы, к этому времени уже пора избавиться от юношеского драматизма.

– Это «у тебя есть полчаса, я плачу за себя сама, ты говоришь то, чем тебе так не терпится поделиться, и мы очень надолго расходимся». Или еще подробнее описать?

Влад улыбнулся. Так радостно, будто перед ним стояла не я, обманщица, а его ненаглядная Вика. Потянулся к моей ру-

ке, не знаю уж, зачем. Я руку отдернула, заметила:

– Никаких прикосновений.

– Тогда следи за ногами, – Влад пожал плечами. Обиделся, конечно. Безмерно любит обижаться.

Кафе действительно располагалось недалеко, минутах в четырех ходьбы в противоположном от остановки и дома Влада направлении. И в самом деле было новым. Маленьким, но уютным, с деревянной мебелью и созвездиями желтых звезд на стенах. Людей почти совсем не наблюдалось – разве что где-то в углу сидела пара идиотов наподобие нас, только у них, насколько могу судить, все было по взаимному согласию. Протирала столы официантка. Из-за закрытой двери долетали приглушенные голоса и запах выпечки.

Я не выдержала и заказала себе имбирный чай и круассан. Влад, недолго думая, то же. Ну понятно, зачем он меня сюда позвал. Просто сам никак не мог определиться. А мой заказ чуть ли не целиком и полностью определялся бюджетом.

Нас окутывал полумрак, изредка разгоняемый свечением желтых искорок, и мне даже подумалось, будто сейчас вечер. Но страшно не было.

Всю дорогу мы молчали. Так что сейчас, в ожидании заказа, видимо, пришла пора говорить. Я посмотрела на Влада, в ответ он посмотрел на меня. Долгий, внимательный взгляд. И плотно сжатые губы, которые я, дурочка, когда-то целовала. Тогда эти губы были теплыми.

Ну и чего же ты молчишь?.. Тебе ведь так не терпелось

пообщаться.

– Зима в этом году холодная, – заметил Влад наконец. – У вас тоже?

– И у нас, – согласилась я. – Я живу не на другом конце света.

– В прошлом году была теплее.

– Наверное.

– И как тебе там живется, в другом городе? Как учеба? Интересно?

Я пожала плечами:

– Живется как обычно. Учиться интересно. Но трудно. Зато не приходится скучать... – я чуть склонила голову. – Это именно то, о чем ты так хотел со мной поговорить? О погоде и учебе?

Влад сжал губы плотнее прежнего, как будто боясь слов, которые могут с них слететь.

Как раз в этот момент к нам подошла официантка с двумя одинаковыми наборами: чай, круассан, десертная ложечка. Пожелала приятного аппетита.

Чай был совсем рождественским и слегка обжигал язык. Круассан – легким и воздушным. Я как раз только начала жевать, когда Влад заметил:

– Я хотел извиниться.

Конечно же, я подавилась.

Нельзя так шокировать людей.

Пришлось срочно прокашливаться – спасибо, что по спи-

не не стали стучать, – и делать несколько крупных глотков чая. Только после всех этих процедур я смогла хоть как-то отреагировать на неожиданное заявление:

– За что?

– За ту осень.

Конечно, мы оба понимали, какую осень он имеет в виду.

– Как связаны ты и та осень? – поинтересовалась я, стараясь говорить равнодушно.

– Я был неправ, – продолжил удивлять Влад. – Когда говорил... Когда обвинял тебя. Я не учел, что наши жизни так кардинально различаются. Привык оценивать все по себе. Я долго над этим думал. И понял, что был неправ. Я виноват. Прости.

Я не сдержалась и фыркнула. Отозвалась легко:

– Прощаю. А дальше-то что? Или я снова чего-то не понимаю?

Теперь недоуменным выглядел Влад.

– Это ни черта не меняет, – продолжила я, сделав еще несколько глотков чая. – Твои извинения – они напрасны, вот в чем шутка. Я и не обижалась на тебя. Я просто приняла, что теперь все так, как есть. И оставила тебя в прошлом. Люди приходят и уходят. Ты тогда ушел, той осенью, вот и все, как бы мне грустно от этого не было.

– Тебе было грустно? – только и спросил Влад.

– А тебе нет?

– Грустно – нет, – Влад покачал головой. – Мне было тош-

но от самого себя. От того, что я не поддержал тебя, когда это было нужно.

– Вот видишь, – я пожала плечами. – «Было» – ключ к разгадке. Теперь нет. Так что какой смысл сейчас извиняться?

– Чтобы ты знала.

– Я знаю.

Он вздохнул. Притронулся наконец к своему чаю.

– Уже поздно, да? Что-то исправлять? Ты ведь все решила для себя, и альтернативных мнений не принимаешь. Ты ведь всегда была категоричной, еще давно.

– Да, – согласилась, – поздно. – Я отставила чашку в сторону. – Исправлять... Глупое слово. Далеко не все можно исправить. Сколько я должна?

– Оплачу сам.

– Мы договаривались...

– Тогда дождись, пока принесут счет. И уйдем вместе.

– Не нужно провожать меня до дома.

– Не буду. Почему с тобой всегда так сложно, Яна? – Влад на мгновение прикрыл глаза. – Сколько ни бейся...

Много времени на чашку чая и круассан Владу не потребовалось. Счет нам принесли минуты через три, и я непреклонно оплатила половину. Через пять минут мы вышли из кофейни. Ещё через одну стояли на перекрестке, прежде чем разойтись.

– Это не конец, – заметил Влад вдруг, прежде чем уйти. – Есть люди... которые постоянно сходятся и расходятся.

ся. Жизненные пути то сплетаются, то расплетаются. Жизненный путь – это ведь не прямая, которая может пересечь другую прямую лишь однажды.

– Я не хочу, чтобы они то сплетались, то расплетались, Влад, – призналась я. – Я хочу навсегда. – И посмотрела в его глаза: – Навсегда не получилось.

Он отвернулся.

Мы пошли в разные стороны. Я – наконец-то домой, а Влад – в неизвестном направлении. Может быть, и правда в супермаркет. Его фигура отдалялась медленно, будто нехотя, а сама я сдвинулась с места, лишь только когда он завернул за угол одного из домов.

Несмотря ни на что, рядом с Владом было спокойно. И я напрочь забыла про преследовавший меня страх. Но теперь я осталась одна, и неприятное ощущение вернулось.

Будто кто-то идет за мной по пятам, держа в руках сеть. Одно лишь мгновение – и окажусь в ловушке. Даже вздохнуть не успею.

Это был иррациональный, ничем не объяснимый страх, и я мгновенно ускорила, как тогда.

Лучше бы Влад остался рядом, подумалось на мгновение. Но я тут же вспомнила, что умею защищать сама себя. Понять бы только, от чего.

Я почти бежала.

Уже у подъезда мне на мгновение почудилось, будто кто-то в самом деле меня касается, и на автомате ударила маги-

ческой отдачей – удар получился слабым, но это все же было лучше, чем бездействие. Только после обернулась, но ничего – и никого – не обнаружила.

Подъездная дверь показалась мне защитой, пусть и ненадежной.

В квартире до сих пор никого не было, кроме меня и домового. Я некоторое время посидела на кровати, приходя в себя, и объяввшее меня паническое состояние начало уходить. Все хорошо. Даже если меня в самом деле преследовали, это нечто не сможет пробраться в квартиру. Она защищена намного лучше, чем я.

К тому же примерно через час после моего появления одновременно вернулись отец и Милана, и я окончательно успокоилась. Они поужинали – я отказалась, сославшись на то, что ужинала в кафе. Я сидела в комнате, улавливая ноты их разговора, и была отчего-то даже рада, что Милана здесь есть.

На комодке продолжали стоять белые лилии.

Часов в восемь вечера отец вошел ко мне в комнату. И спросил тоном учителя (потому что он все еще оставался моим учителем), как продвигаются мои успехи в колдовстве. И я ответила честно, что медленно. Тогда отец сообщил мне о новой технике защиты от магического воздействия, предложив рассказать об этом подробнее. Я согласилась. Надеюсь, что не слишком рьяно.

И начался урок.

Как в былые времена.

Несмотря ни на что, наставник из отца был хорошим.

***

Следующим утром я проснулась сравнительно рано – в шесть утра. Но не потому, что выспалась – кто-то яростно названивал мне на телефон. Когда я соизволила распахнуть глаза, среди пропущенных было уже два вызова. На третий я все же ответила.

– Яна? – раздалось обеспокоенное по ту сторону.

– Влад? – удивилась я. – Откуда у тебя мой новый номер?

– Не так важно, – отмахнулся он. – Важно, что ты жива.

– А почему я должна быть мертвой? В круассан положили что-то не то? – я фыркнула.

Но, когда Влад произнес следующие слова, стало не до смеха.

– Этой ночью совершили убийство черной ведьмы. В паре километров от твоего дома.

Глава 4. Там, где никто не найдет

– Убийство? – переспросила я глупо. – Черной ведьмы? И неизвестно, кто она?

– Только общие черты: темные волосы, светлая кожа, примерно восемнадцать-девятнадцать лет. Я и подумал... Вообще-то я сейчас иду на место происшествия, там должны рассказать все подробнее.

– А она ещё там? Ведьма?... – уточнила тихо.

Попыталась подняться, но тут же рухнула на кровать. Убийство ведьмы... О Всевышняя...

– Наверяд ли, – ответил Влад. – Зато твой отец – наверняка.

Я прислушалась. Не то чтобы отец шумит каждую секунду своего пребывания здесь, но в квартире и вправду было тихо.

– Отправь адрес, – попросила я. – На этот номер, желательно сообщением. Я тоже подойду.

– Ты уверена? – уточнил он. – В такое опасное время... Пока убийца не пойман.

– Пожалуйста, отправь.

– Ладно, – Влад сдался. – Жди. Если подойдешь, можешь найти меня. Я постараюсь не сливаться с толпой.

На сборы у меня было пять минут. Я умылась, связала волосы в хвост на затылке, натянула привычные джинсы и куртку. Сообщение с адресом пришло как раз тогда, когда я вышла из подъезда – ждать не пришлось.

На улице было темно и вновь холодно до ужаса.

Путь лежал через вчерашнее кафе и школу, в которой пока не горели окна. Только фонари освещали дорогу. Фонари – и необъяснимое желание прикоснуться к чьей-то трагедии. Я мгновенно сориентировалась с направлением и сейчас точно знала, куда надо идти. Всегда бы так.

Толпу я заметила издалека. Душа тут же затрепетала, почувствовав высокую концентрацию черных ведьм и колдунов – всего их было около десяти, многих из них я знала. Они стеной стояли рядом с одним из подъездов, и я вдруг подумала – она, та ведьма, ведь была так близка к спасению. Она могла бы спрятаться внутрь дома, позвать на помощь, сделать хоть что-нибудь... И тут же вспомнила, как сама вчерашним вечером пыталась защититься от чего-то необъяснимого.

На мгновение стало страшно.

Влад... Он ведь был не так уж неправ в своем предположении. И на ее месте вполне мог оказаться кто угодно. И я в том числе.

Я стояла в отдалении, надеясь как можно дольше оставаться незамеченной. Но даже здесь чувствовала гнетущую атмосферу этого места. И знала, что отсюда ещё нескоро сойдет отпечаток смерти. Смерти и разрушения. Невыносимой безысходности. В безысходности я смыслю много – кажется, даже слишком.

Ведьмы и колдуны толпились около этого подъезда, что-

то выискивая, пытаюсь встретить хоть какие-нибудь намеки. Но разве правда кого-то спасет? Да и разве существует она, эта правда? У всех правда своя. Сколько ни спорь. Или даже так – у всех своя ложь, в которую так удобно поверить.

Я начала медленно отходить назад, хотя больше всего мне сейчас хотелось сорваться на бег.

Отца я заметила – он стоял рядом с Миланой, они о чем-то увлеченно беседовали (поэтому не должны были заметить меня). Зато для Влада незамеченной я не осталась. Он в самом деле стоял в отдалении от всех – хмурый, но настроенный воинственно. И почти сразу почувял мое присутствие. Когда я начала отходить, Влад и вовсе посмотрел на меня прямо, чем мог в любой момент выдать мое присутствие. Я качнула головой, не то предупреждая его, не то прося – молчи.

Влад намек понял.

Когда я полностью скрылась от чужих взглядов, Влад меня нагнал. Окликнул тихо – Яна – и я обернулась, зная, что увижу именно его.

Несколько секунд Влад молча смотрел в мое лицо. После – приблизился и обнял, не спрашивая моего разрешения.

Взгляд его был уставшим, объятия – слабыми. Впрочем, я бы и не разрешила обнять себя по-настоящему. Но отталкивать Влада не стала. Не знаю, почему. Может быть, не хватило смелости. Впрочем, объятие продлилось лишь мгновение.

– Что-то выяснилось? – поинтересовалась я, когда он шаг-

нул назад.

– Чертовщина, – Влад поморщился. – Магический отпечаток не обнаружен. Душу, тем не менее, убийца присвоил себе. Или присвоила. Никто не знает.

– Присвоил душу? – переспросила я.

– Именно! – воскликнул он. – Не используя при этом магию. Разве такое возможно?.. То есть, конечно, не то чтобы я великий специалист в области черной магии, но ты когда-нибудь о таком слышала?..

Я вспомнила историю своей тети, Натальи. Отчаявшиеся черные, переступившие черту, посмели отхватить себе почти всю ее душу – но при этом потратили последние крупички своей. И другой тети, Алины, Янтарной – именно в покушении на мою душу ее обвиняли по отношению ко мне. Но ведь она тоже была ведьмой.

И там, и там без магии не обошлось.

Я покачала головой из стороны в сторону.

Влад прикусил губу. Нервничал. И я прекрасно его понимала.

– И я выяснил имя, – продолжил он. – Почти сразу после того, как поговорил с тобой. – Не дожидаясь моих вопросов, он произнес: – Ирина Егорова. Ты... навряд ли ее знаешь. Она приехала сюда полтора года назад из провинции, учится на психолога, когда она вливалась в коллектив, ты тогда не...

– Я тогда не, – согласилась я. Но сердца все равно коснулось нехорошее предчувствие. – А ты? Вы были хорошо зна-

комы?

– Так себе, – ответил Влад. – Перебросились, может, парой фраз. Видел ее на нескольких мероприятиях.

– А фотографии нет?

Он недоуменно на меня посмотрел, но все же заявил:

– Найду.

Влад достал телефон – по экрану забегали тонкие бледные пальцы. И уже через минуту повернул экран ко мне.

Ирина.

Ира.

Она сидела на ярком полосатом диванчике, глядя в камеру. Бежевое платье, открывающее ключицы. Отброшенные назад темно-русые волосы. Стрелки на живых карих глазах. Невинная улыбка.

Я громко выдохнула воздух и шагнула назад, грозясь упасть.

Влад успел меня подхватить.

– Вы все же знакомы? – спросил он обеспокоенно.

– Виделись... – воздуха отчаянно не хватало, – однажды... недавно... Я... она...

На экране телефона была та самая ведьма, что вчера так неожиданно подошла ко мне, едва почувствовав, что я нуждаюсь в поддержке. Та самая Ира, которая учится на психолога и совсем плохо прячет свою черную душу.

Вот только вчера она была все ещё живой.

Смерть прошла рядом со мной, по касательной. Вместо

Иры так легко могла оказаться я... Слишком легко. Почему же уже не в первый раз жизнь выбирает меня, а не окружающих?..

– Тише, – прошептал Влад. – Все хорошо.

Я в панике посмотрела на него, попыталась отдышаться, но ничего у меня не вышло. Помотала головой:

– Ничего хорошего. О Всевышняя. Влад. Почему смерть всегда... так поблизости? – я впилась взглядом в его глаза. – Я видела ее вчера, живой! Почему я? Кто-то ищет смерть, но найти ее удастся именно мне? В чем моя вина?

Влад помотал головой. Вновь обнял меня. Я прижалась к нему плотнее, надеясь, что станет теплее. Не помогло. Не поможет больше. Никогда уже не поможет, как бы я ни пыталась.

– Это случайное совпадение... – протянул Влад. – Не нужно было тебе сюда приходить, – бросил он, злясь больше на себя самого, нежели на меня. Но я все равно восприняла эти слова на свой счет.

– Ты прав, – заметила вдруг. Подняла голову. – Мне – нет. Это не мое дело, я к нему никак не причастна. Тебе пора. И мне. – Оттолкнула Влада, и он послушно шагнул назад. – Может быть, однажды мы ещё увидимся!.. Или нет. – Я все больше отступала назад, а Влад продолжал стоять на одном месте, и взгляд его почему-то был сочувствующий. Я навсегда этот взгляд запомнила. – Прощай!

Сорвалась с места.

Очередной дом, поворот, и я остановилась, прижавшись к стене, – дыхание стало слишком тяжелым. Но и долго оставаться на месте стала. Хотелось как можно скорее отдалиться от этого места. Больше я так не могла.

Все возвращалось, стоило лишь вернуться мне.

Может, стоит мне исчезнуть, и все закончится? Желательно – по-настоящему, с этой планеты, из памяти людей.

Случайное совпадение.

Где-то я слышала, что ничего случайного в этом мире нет. И во что же тогда верить?..

***

Я хотела уезжать отсюда в ночь с субботы на воскресенье, чтобы в запасе у меня был день. Но передумала. Едва вернувшись, оформила билет на поезд, что идет сутками раньше, – он будет ждать меня в пятницу вечером. Уехала бы и раньше, но никаких подходящих вариантов не нашлось – либо не было мест, либо поезд приходил к часу ночи, что меня не устраивало.

А пока передо мной простиралась целая бездна времени. Среда, четверг и первая половина пятницы. Можно заняться всем, чем угодно.

Для начала – попытаться забыть.

Оградить себя стеной. В своем собственном мире гораздо лучше, пусть временами здесь и бывает холодно.

Я просидела в квартире до обеда, но никто так и не вернулся. Видимо, все серьезно. А развлекать саму себя мне

быстро наскучило. Во время учебы я думала, что на каникулах смогу заниматься всем, чем угодно, а не только гнаться за попыткой успевать все по учебе. Но вот – несколько часов, и мне уже не хочется ни читать, ни заниматься магией, и даже соцсети ничем не радуют. Тем более, что жизнь я там веду неактивную. Точнее сказать, я там никому не пишу и никто не пишет мне.

Поддавшись порыву (моя комната творила со мной странные вещи), я вбила в поиске имя и фамилию, что когда-то казались привычными, а сейчас отозвались внутри невнятным эхом. Прошлая жизнь, точно.

Ярослав Синицын. До сих пор подписанный на мои обновления (которых нет). Был в сети восемь минут назад. На аватарке – он сам в окружении прекрасного (правда прекрасного) пейзажа. Голубое небо, голубые глаза, клочок незнакомой местности, грустная улыбка, открытые плечи. Лето. Но, судя по дате, не наше общее, а следующее после него.

Чего-то устыдившись, я мгновенно свернула вкладки.

Если меня вдруг убьют, и какая-нибудь ведьма решит узнать, как я выглядела (Яна Заболоцкая в местных кругах действительно эфемерная личность), то наткнется только на темно-зеленый квадрат – изображение своего прекрасного лица я удалила больше года назад. Любопытная ведьма так и не поймет, что я – именно та, с кем она когда-то мило беседовала на шабаше. Может быть, фотографию все же стоит загрузить?

Впрочем, нет. Глупая затея.

У меня была мысль получше.

Моя тетя Наталья вполне могла прямо сейчас быть где-то рядом с моим отцом, но утром среди собравшихся я ее не увидела (хотя я не то чтобы слишком присматривалась). В любом случае, попробовать стоило. Как-никак, в последний раз с Пашкой, моим двоюродным братом, я виделась еще летом. А он сейчас растет невероятно быстро. Уже в школу ходит – до чего дожили...

Тетя ответила мне почти сразу.

Пообещала позвонить Виктору. Он должен был забрать меня сразу после работы, в пять вечера, и отвезти в квартиру, где они сейчас жили втроем вполне себе дружной семьей. О том, чтобы они навести нас, и речи не шло. Тетя не любила приходить к нам в гости, даже вспомнив про магию. А уж сейчас, при наличии Миланы...

В моем распоряжении было чуть больше трех часов. На то, чтобы привести себя в порядок, мне обычно вполне хватало получаса. Можно было бы, конечно, выйти на улицу и подышать свежим воздухом – но, судя по градуснику, воздух был свеж чересчур, а воспоминания о неприятных ощущениях, сопровождающих меня в прогулках, так никуда и не ушли.

Я не придумала ничего лучше, кроме как навести порядок.

Разобрала завал на столе и комод, растрясла шкафы и

безжалостно выкинула все ненужное, протерла пыль. Немного полистала черномагическую книгу, которую решила не брать с собой (да и, по большей части, она уже не была мне нужна – походила скорее на пособие для чайников в магии) и совершенно случайно обнаружила листик сирени, о существовании которого забыла.

Но его история вспомнилась почти сразу. Это же он дарил, тот самый Яр, когда мы отправлялись на решающую битву с моей нечистью. Кажется, даже белой магией его приправил. А я решила его засушить, на память. Сначала вложила в детектив, найденный у тети. После, со всем легкомыслием, переместила в книгу по черной магии.

Я провела по листику пальцами.

Хмыкнула.

Жилкование сетчатое.

Помнится, тогда я ещё мечтала стать биологом. А Яр хвастался своими познаниями в химии.

На мгновение я почувствовала под пальцами тепло и поспешила отдернуть ладонь и захлопнуть книгу. Мало ли – вдруг белая магия из него ещё не выветрилась, и Яр что-нибудь почувствует. Я бы почувствовала. Но то я...

Как только черномагическая книга вернулась на свое законное место, затрезвонил телефон. Звонил незнакомый номер. Мгновенно вспомнились мои собственные страхи, но чутье молчало. Значит, ответить все-таки можно?..

Я приняла вызов.

Оказалось, что переживать и в самом деле не стоило – это был Виктор, который сообщил мне, что пора спускаться. Мгновенно надев куртку и положив в карман найденную в холодильнике шоколадку (надеюсь, Милана не слишком обидится), я выскочила из квартиры, а после и из подъезда.

Машина была все той же, какую я помнила по прошлой осени. Белая.

Да и Виктор – все таким же. Даже свои серебристо-золотые волосы прятать не стал – видимо, не боялся замерзнуть. Впрочем, все время до моего появления он просидел в машине. И, едва открыв для меня дверь, в нее вернулся.

– Добрый вечер, – бросила я.

– Добрый вечер, – отозвался он. Мы молча выехали со стоянки, встроились в ряд вечно спешащих машин, и только тогда Виктор спросил: – Как учеба? Жизнь в другом городе?

В общем-то, его вопросы были вполне справедливыми.

Как-никак, я – племянница той женщины, с которой у Виктора общий ребенок. Мы почти что родня. Никогда не могла подумать, что буду родниться с белыми магами, но отчего-то их число в моем окружении только растет.

– Терпимо, – ответила я сразу на все. – Не то чтобы легко, конечно. Но и не с таким справлялись. Вы и сами знаете. А как Паша?

– Учится. Ему нравится. Продолжаете заниматься магией?

– Продолжаю, – пожала плечами. – Собственно, как и вы.

А с чего я должна не продолжать?

Светская беседа у нас не складывалась.

То есть, конечно, я пыталась вести себя мило и не нарываться на конфликт. А Виктор пытался сделать вид, что ему моя судьба чуть менее, чем безразлична. Но актеры из нас получались паршивыми.

Ехать было довольно далеко – на дорогу мы потратили около получаса. Небо, до этого серое, начало окрашиваться в синеватые оттенки. Интересно, обратно меня тоже повезут? Или придется добираться своими силами? Что-то мне подсказывает, что к концу моего визита на улице уже воцарится темнота. А мне не то чтобы хочется бродить по темноте в поиске остановок, а после мерзнуть в ожидании автобуса. Тем более что это далеко не центр, здесь и автобусы ходят редко.

Пожалуй, не такой уж хорошей была моя идея.

Но, с другой стороны, должно же и во мне остаться что-то человеческое? Если я вновь уеду на неизвестный срок, так и не увидевшись с Пашкой, разве это будет красивым поступком? Меня оставляли, даже не обняв напоследок, так что я знаю, каково это. Пашке должно повезти больше. А непутевую сестру никак нельзя считать везением. Так что хотя бы сестрой я попытаюсь быть хорошей.

Задумавшись, я пропустила тот момент нашего прибытия. Очнулась только тогда, когда из машины вышел Виктор, громко захлопнув за собой дверь. Помнится, отец всегда ругался, что я слишком громко хлопаю дверьми...

Я вышла на улицу, не став дожидаться особого приглашения.

Мороз приятно покалывал лицо.

Передо мной простиралась новенькая девятиэтажка с большими белыми балконами – балконы нравились мне в ней больше всего.

Пискнул замок входной двери.

Нужная квартира располагалась на четвертом этаже. Виктор предложил воспользоваться лифтом, но я предпочла прогуляться по лестнице.

Подъезд был уютным. В отличие от того же подъезда дома, где жил Влад, чересчур современного. Или моего, абсолютно обычно. Даже свет был не безжизненно-белым, а солнечным, желтоватым. На широких подоконниках стояли горшки с раскидистыми пальмами. Пахло цветами.

Открыла нам Наталья, моя тетя.

Я вновь училась называть ее тетей. Хотя после того, как она меня предала (всего один раз, и все же!), делать это было сложно.

Она стояла по ту сторону, одетая в свободное бежевое платье. Кудри темных волос почти доставали до ключиц. Тетя увидела меня и улыбнулась:

– Здравствуй, Яна. Проходи и чувствуй себя как дома. – И уже в коридор: – Паша! Скорее иди смотреть, кто приехал!..

Не то чтобы я в самом деле могла чувствовать себя гармонично в этой квартире. Если где я и могла расслабиться,

так это в старом доме тети, где стоял мой родной диванчик и в шаговой доступности цвела клубника. Он в какой-то мере заменил мне деревенский дом бабушки и дедушки, но это я совсем недавно поняла. В их доме и старом доме тети хранились частички моего детства и подросткового возраста, мои летние деньки. Помнится, я очень расстроилась, когда тетя продала свое прежнее жилище. Не столько из-за самих стен, сколько из-за связанных с ними воспоминаний. А ещё я думала, как ни стыдно это признавать, – ведь в той деревне осталась бабушка Яра, значит, и Яр там должен появиться рано или поздно. Расстроится ли он, когда не найдет меня? И будет ли искать?..

Одна из дверей открылась, и я увидела Пашку.

Совсем уже солидного мальчика. Первоклассника, пережившего целое полугодие. Как человек, переживший одиннадцать лет школьной жизни, я могу справедливо заявить, что это настоящий подвиг.

Я шагнула внутрь квартиры.

Пашка сразу меня заметил.

Его лицо из нахмуренного (наверняка отвлекли ребенка от чего-то важного) мгновенно стало радостным, и внутри что-то больно кольнуло.

– Яна! – воскликнул он и бросился ко мне. Я крепко его обняла, и Пашка поморщился: – Яна, у тебя куртка холодная.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Привет, Паша. Куртку сейчас сниму, не переживай. Как

дела, первоклассник?

Пашка по-взрослому махнул рукой, и я фыркнула.

Если что-то во мне осталось, подумалось вдруг, то это в основном именно Пашкина заслуга.

Куртку я повесила на крючок, поправила свитер – в последнее время постоянно ходила в свитерах. Достав шоколадку из кармана – клубника и вафельные шарики, неужели Милане такое нравится? – протянула ее Пашке:

– Это тебе, с прошедшим семилетием. Мне очень жаль, что я не смогла приехать. Твоя мама рассказывала, что вы приглашали гостей.

Пашка сцапал шоколадку и покивал:

– Мама говорила, что ты живешь очень далеко. Но папа, – это слово прозвучало непривычно для моего уха, – пообещал, что когда-нибудь мы к тебе съездим, правда-правда. – И тут же, без лишних переходов: – У меня много друзей. Мы учимся в одном классе! Вот Андрей, ему недавно подарили...

Тетя обняла меня осторожно, почти не касаясь.

Я отвернулась, чтобы не встретиться с ней взглядом. Мы обе прекрасно помнили тот переломный момент, что отдалил нас друг от друга. И забывать не собирались. По крайней мере, у меня ничего подобного в планах точно не было.

Когда-нибудь я расстанусь со всем тем грузом обид, что несу на себе. Или никогда – здесь как получится.

Мы перешли на кухню, пить чай. В холодильнике обнару-

жились заготовленные заранее пирожные. Пашка болтал без умолку, изредка уточняя что-то у родителей. «А на новый год мы купили огромные золотые шары и украсили елку, да, мам?». «А на прошлой неделе был такой сильный мороз, что у папы еле заработала машина, да, пап? Яна, представляешь, мы чуть не опоздали на урок!». Мне нужно было лишь ужасаться и восторгаться в нужных местах. Впрочем, я в самом деле слушала Пашку с удовольствием. Он с такой искренностью пытался поведать мне обо всем, что произошло за полгода, и это не могло оставить меня равнодушной.

Мне бы хотелось тоже что-нибудь ему рассказать.

Но неожиданно даже для себя обнаружила, что за эти полгода не произошло ничего такого, чем бы хотелось поделиться. Мелкие бытовые проблемы? Засыпание во время пар?

Даже Влад – и тот отчислился из универа. Уже и не скажешь, что учится строить самолеты. Может быть, он ещё и мотоцикл продал. Кто его знает.

Чай истончал запах мяты и мелиссы – традиционное для тети сочетание. Она всегда выращивала эти травы у себя в огороде, и мне, помню, нравилось срывать листки и растирать их в пальцах, вдыхая свежие ароматы. А что же теперь? Покупает в супермаркетах? Разве так интересно?..

Впрочем, не мне судить.

– А еще я решил, кем стану в будущем, – заявил в итоге Пашка. До этого речь шла о зоопарке, который они всей семьей посетили в сентябре, и я снова не заметила переход.

Пашка всегда был таким – начинал рассказывать одно, пере-скакивал на другое и третье, возвращался в начало... Но мне это даже нравилось. Совсем скоро он станет по-настоящему взрослым (до сих пор кажется, что братец совсем недавно появился на свет). И речь его будет ровной и связной. А ещё – непродолжительной. Подростки предпочитают молчать, нежели говорить – знаю по себе. Он перестанет радоваться каждому моему появлению – в один момент окажется, что двоюродная сестрица не такая уж великая и всемогущая, а ещё скучная. Так что пусть хотя бы сейчас я побуду для него кем-то важным.

– И кем же? – поинтересовалась я. Пашка выжидательно смотрел на меня.

– Химиком! Как ты! – заявил братец. Даже немного подпрыгнул. – У Леры мама – химик! Она говорит, они там все взрывают. Я тоже хочу все взрывать! Я ей сказал – ты тоже скоро будешь химиком. Лера бы хотела с тобой познакомиться.

– Вдруг повезет и познакомится, – я чуть улыбнулась. – Взрываем – это да. Хотя вообще-то не всегда положено. Химия – красивая вещь. Если она в самом деле тебе понравится, то почему бы и нет? А ты что думаешь, тетя?

Когда-то мы с ней могли разговаривать обо всем подряд. Кажется, это время осталось в прошлом. Сегодня тетя была молчалива. Но это не удивляло. Все наши встречи – после того самого сентября, разумеется – объединяло мое и тетино

молчание.

– Когда-то ты хотела заниматься биологией, – вспомнила она.

Я пожала плечами:

– Это близкие направления. Соседние факультеты. Но химия более перспективна.

– Когда-то Алексей жаловался мне, – продолжала тетя, будто не слыша меня, и взгляд ее был направлен на стену за моей спиной, – что ты хочешь заниматься биологией. Тогда как никто из твоих ближайших родственников не занимается естественными науками. Он говорил: конечно, Яна справится, но получит ли она должную поддержку?

Она наконец взглянула на меня, и я отчего-то мгновенно вспыхнула.

– В первую очередь нужно искать опору в самом себе, – вступил в беседу Виктор. Он в принципе предпочитал молчать, если мы с ним оказывались в одной компании (то есть, с тетей и Пашкой). – Нельзя постоянно рассчитывать на окружающих.

– Я недалеко ушла от биологии, – повторила я, но уже менее уверенно.

– Знаю, – тетя чуть улыбнулась, – ты всегда доводишь все до конца. Даже если остальной мир против.

– Я тоже так хочу, – вмешался Пашка. – Это ведь хорошая черта, да, мам?

Тетя кивнула. Но за этим кивком таилось нечто большее.

Если бы я тогда, в том сентябре, позволила отцу и тете позаботиться о моей безопасности и не лезла на рожон, с большой вероятностью я могла бы до сих пор жить здесь. Виделась бы с Пашкой каждую неделю. Может быть, даже ответила бы на чувства Влада – я неплохо умею убеждать саму себя. И напрочь забыла бы про существование Яра – он бы даже на вокзале стоял один. Кто знает, как бы все сложилось.

Сейчас слишком поздно поворачивать назад.

Но урок я усвоила.

Все поменялось, тетя.

Все слишком сильно поменялось, и ты совсем не знаешь, какая я сейчас. Да и не хочешь знать. Ты обвиняла нас с отцом в том, что мы поступили неправильно, когда скрыли от тебя правду. Но ведь ты до сих пор придерживаешься этой тактики. И веришь в ложь. Разве ты стремишься дойти до истины?..

Когда мы поднялись из-за стола, за окном в самом деле почти установилась темнота – где-то вдалеке, словно чья-то душа, догорал закат. Виктор пообещал, что доставит меня до дома. Пашка ещё долго обнимал на прощание, и я обнимала его в ответ, стараясь не встретиться ни с кем взглядом – глаза неожиданно защипало.

Когда мы встретимся в другой раз, думала я, мне будет уже девятнадцать. Это если повезет. А Пашка закончит первый класс и, быть может, уже пойдет во второй. А вдруг случится так, что я больше никогда сюда не вернусь? И Пашка

потом сам придет ко мне в гости, когда мне будет больше двадцати. Если захочет приезжать.

Прежде чем я ушла, тетя отозвала меня в сторону – на пару минут. Я не смогла отказаться. Я все ещё была ее ученицей – и племянницей, несмотря ни на что.

– Ты слышала про убийство черной ведьмы, что случилось этой ночью, Яна? – спросила она у меня. Я кивнула, тогда тетя продолжила: – С этим должны разобраться в самом ближайшем времени. Но я все равно прошу тебя: пожалуйста, будь осторожна.

– Мне осталось два дня здесь, – призналась вдруг я.

– Я отправлю тебе на почту материалы за последнюю пару месяцев, которые показались мне любопытными. Ознакомься, если будет желание... Если нет – отдыхай. Помню свой первый год в университете, – тетя покачала головой, – не самое легкое было время, отдыха в самом деле не хватало.

– Хорошо...

– И приезжай ещё, как только сможешь, – добавила вдруг она. – Мы все тебя ждем, пусть и немногие из нас решаются озвучить это вслух, – тетя покосилась назад, на прихожую с Пашкой и Виктором. – А теперь тебе пора. Завтра снова рабочий день...

Я поняла, на что она намекает.

Не только мне нужен отдых, но и Виктору тоже. Он архитектор, работает в частной компании. Пропадает в офисе. Конечно, ему требуется личное время на то, чтобы отдох-

нуть. Черные ведьмы и так слишком много его отняли...

Возвращались мы, слушая радио.

На середине пути внезапно начался снегопад. Гордые острые снежинки, едва коснувшись теплых стекол, таяли и становились прозрачными слезами. Они ловили отблески уличных огней. Получалось красиво.

Возле моего поезда царили пустота и уныние.

– Всего хорошего, – пожелала я, прежде чем уйти.

– И вам, Яна, – отозвался Виктор. И посоветовал вдруг: – Учитесь принимать людей такими, какие они есть. Тогда они и вас примут.

– Мне незачем.

– Вам лучше знать.

И уехал.

День выдался тяжелым. И начался к тому же рано. А я за два дня каникул привыкла подолгу спать – к хорошему быстро привыкают. Поэтому, едва оказавшись в квартире (отца и Миланы не было до сих пор), я переоделась, умылась и легла на кровать. Изначально я хотела просто немного полежать (не то чтобы девять часов – позднее время; обычно я к нему только просыпаюсь). Но организм решил за меня. Телефон выпал из рук. Я уснула.

Вскоре после этого отец с Миланой и вернулись.

Сквозь сон я услышала, как скрипнула входная дверь. По квартире пронесся уверенный голос отца, а следом за ним – недовольный шепот Миланы. Ненадолго звуки стихли. Вско-

ре кто-то заглянул в мою комнату (кажется, Милана). Пара секунд – и ночник на комодке погас. Дверь захлопнулась.

Как мило.

Узнать бы ещё, чем я это заслужила.

Интересно, а отец взволновался бы в тот момент, когда услышал об убийстве черной ведьмы, если бы я сейчас жила не в его квартире, а где-то в другом месте, как и грозились?.. Он ведь так много в меня вложил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.